

Н.К.Рерих ДУША НАРОДОВ

Москва, Международный Центр Рерихов, 1995 — 104 с.

«... Каждая страна, у сердца своего, бережет имена, ведущие к Свету», — писал Н.К. Рерих. В этот сборник вошли очерки Рериха о героях, подвижниках, святых — всех тех, кто двигал историю и эволюцию человечества, и чьи жизни явились примером героизма и самоотречения.

МАЛАЯ РЕРИХОВСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Редакционная коллегия: Е.Б. Дементьева, С.Н. Кайдаш,
Л.В. Шапошникова

Автор предисловия Л.В. Шапошникова
Составитель Е.Б. Дементьева
Редактор Т.О. Книжник

©Международный Центр Рерихов, 1995
Фирма БИСАН-ОАЗИС

Предисловие

Л.В.Шапошникова

НЕУГАСИМЫЙ СВЕТ ТЕРНОВОГО ВЕНЦА

«Поучительно замечать, как народный глаз и народный ум возвращаются к своим героям, в многообразном подвиге которых выражена душа народная».

Н. К. Рерих. Твердыня Пламенная.
Рига, 1991, стр. 150.

«Почитание героев — великий предмет, самый серьезный и самый обширный, какой я только знаю и который я обозначаю этими словами, не желая быть уж слишком серьезным. Почитание героев, по моему мнению, глубоко врежется в тайну путей, которыми идет человечество в этом мире, и в тайну его самых жизненных интересов, и оно вполне заслуживает в настоящее время обстоятельного изучения и истолкования».

Т. Карлейль. Теперь и прежде.
М., 1994, стр. 198

Этот разговор со Святославом Николаевичем состоялся у меня во время его последнего визита в Москву в 1989 г. Мы сидели с ним в холле правительственного особняка на Ленинских горах, который ему предоставили. Был конец дня, на окна напоздали стылые осенние сумерки, дневная суматоха кончилась, и Святослав Николаевич сидел, устало откинувшись на спинку кожаного кресла.

— Мда, — неожиданно раздалось около меня. — Мда.

Это знаменитое «мда», как всегда, означало приглашение к разговору. И я неожиданно для себя спросила:

— Что сейчас самое главное в нашей жизни?

— Видите ли, — сказал он, как будто размышляя, — самое главное сейчас герои. Да, да, не удивляйтесь, именно герои. Они многое смогут свершить.

Я промолчала, но про себя подумала, что вряд ли эта тема заслуживает того, чтобы быть такой важной. Герой есть герой. Чего-чего, а героев у нас в стране хватало. Но это не избавило нас от многих бед. Тогда я не подозревала, что смысл, который он и я вкладывали в это понятие, был разный.

Некоторое время спустя мне в руки попала стенограмма выступления Святослава Николаевича 1984 года в Политехническом музее. «Главное — надо устремляться, — говорил он тогда. — Устремление — это та энергия, которая необходима для всего в нашей жизни. Поэтому выберем себе те идеалы, к которым мы всегда будем стремиться и в которых сможем воспитать наших детей. В этом мы возвращаемся сейчас к нашему древнему эпосу,

когда создавались былинные образы героев, царей. Народ их знал, народ их почитал. И даже если народ был безграмотным, он знал их как великие первоосновы жизни, прообразы, которые тоже вышли из народа. И эти былины, и эпос народов других стран играют величайшую роль в воспитании широких кругов человечества. Поэтому будем всячески охранять эти вехи прошлого, оставленные нам. Будем стремиться строить жизнь, наше прекрасное будущее по этим замечательным вехам».

Святослав Николаевич подходил к пониманию героя как к «великой первооснове жизни». Для меня же герой сводился или к героическому поступку или к звездочке «Героя Советского Союза» и «Героя Социалистического труда», Я понимала, что в этой своей трактовке была не одинока, многие мыслили такими же идеологическими клише, которые долгое время господствовали в нашей жизни.

Он как бы протянул ниточку между древностью и современностью, и ниточка эта содержала философскую суть понятия героя, его тайну и его эволюционную значимость.

...Герои начинались с мифов, с той изначальной информации, которую несла в себе космическая искра духа, вошедшая в косную земную материю. Герои были неотъемлемой частью мифотворческого энергетического процесса, как и боги, солнце и звезды. Наряду с последними они являлись той первоосновой, без которой не мог существовать и развиваться человеческий дух и его сознание. Мифология дала нам все те особенности героев, которые впоследствии, на уровне иных типов мышления, получили философское осмысление.

В изначальных мифологиях, несущих на себе явный отсвет энергетики и эволюции иных миров, герой и божество или бог представляют собой как бы единое целое. В процессе космического первотворения сам бог несет в себе то героическое начало, без которого не могло быть бога. Это качество позволяет божеству, представляющему одухотворенный Космос, вести борьбу с хаосом, упорядочивать его и проявлять его формы. Так же, как и присутствие божественного начала в самом герое дает ему возможность превращать хаос в космос человеческого общества.

В более поздний период развития земного мышления, характеризующегося высоким уровнем дифференциации, герой и божество отдаляются друг от друга, сохраняя при этом изначальные свои качества. Этот процесс нашел свое выражение в мифологическом цикле о героях, особенно в греческой классической мифологии. Символический момент, в котором возникновение героя трактуется как результат любви богов и смертных, объясняет особенности эволюционного развития этой сущности. Герой проходит этап полубога-получеловека, но при этом утрачивает свое божественное бессмертие. Иными словами, он отличается от обычного человека своими особыми качествами, но уже, как и этот человек, познает рождение и смерть — явления трехмерного физического мира. Становясь земным, герой входит в естественное противоречие с небом, хотя и сам несет его в себе, а также с небожителями. Ибо с момента начала процесса его «заземления», на него уже распространяется Великий закон свободной воли в его человеческом измерении. Герои совершают поступки, противоречащие воле богов, и тем самым как бы проходят через жестокие испытания, набирая опыт земных взаимоотношений с богами. Нередко земное или материя берет над ними верх и подавляет их божественный дух. Мифологическое противостояние богов и героев есть отражение борьбы духа и материи в энергетическом процессе эволюции Космоса. Боги наказывали героев не только за непослушание, но и за то, что они осмеливались пользоваться на земле способностями, привилегия на которые принадлежала лишь богам. Так, Зевс поразил Асклепия, сына бога Аполлона и смертной женщины Кронида, за то, что тот пытался воскрешать людей. Когда Геракл похитил яблоки Гесперид, дающие вечную молодость, то Афина отобрала их у него. Прометей был наказан богами за то, что похитил огонь и дал его людям. Особенностью «незаконных» поступков героев является то, что эти поступки совершаются во имя людей, ради их блага.

Мифология повествует нам о том, как трудно формируются герои, те избранные, которые становятся гордостью богов и людей. Великий герой появляется в результате труда

нескольких поколений героев. Так Зевс, например, трижды вступал в брак со смертными женщинами — Ио, Данаей и Алкменой, чтобы через тридцать поколений родился Геракл.

Со временем из героев, воюющих с богами, мифология создала культурных героев. На смену Гераклу и Персею пришел искусный мастер Дедал, строители Фив Зет и Амфион, певец и укротитель стихий Орфей, прорицатели Тересий, Калхант, Трофоний, законодатель Тесей, а также многие другие, чьи имена остались в самых разных мифологиях нашей планеты. Они научили людей строить, сеять, петь, играть на музыкальных инструментах, соблюдать законы, обучили их мастерству и искусству. Процесс обучения был чрезвычайно тяжел и длителен, материя сопротивлялась как могла, но энергетика культурных героев, постепенно преодолевая препятствие за препятствием, меняла мышление и сознание человечества. Первоначальные столкновения с богами сменились гармоничными отношениями с ними, и культурные герои выступали в качестве посредников между людьми и богами, между небом и землей. Так, сохраняя свою связь с Высшими мирами и сущностями, герои пробивали для человечества энергетический коридор эволюционного восхождения и прокладывали пути одухотворения тяжелой и косной земной материи.

Вслед за культурными героями появились эпические герои, более, чем первые, приближенные к земле, но сохранявшие свою связь с Высшими мирами. Над эпическими героями уже восходила заря ранней истории земного человечества. Мифологическое время еще жило в эпическом, но происходили необратимые изменения и формировалось собственно эпическое время, которое повествовало «не о творении мира, а о заре национальной истории, об устройстве древнейших государственных образований»¹. Таким образом, эпические герои, связанные с Высшими мирами и богами, подобно героям мифов, осветили светом этого Высшего начало человеческой истории и придали ей тот Космический импульс, который и напитал нужной энергетикой зарождавшийся исторический процесс. Эпос и эпические сказания стали космической опорой развивающейся культуры человечества и ее национальных форм. Ибо в эпосе каждого народа содержится образ его героического прошлого, в котором данный народ черпает свою силу в годы тяжелых испытаний, опираясь на традиционно сложившиеся нравственные ценности, на свое историческое достоинство.

Связь эпических героев с культурными героями, а через них с мифами и эпохой первотворения, создала интереснейшее эволюционное явление, суть которого до сих пор по-настоящему еще не исследована. Ниточка между божеством, культурным героем, эпическим героем и, наконец, историческим оказалась настолько крепкой и энергетически стабильной, что в истории возникали иногда моменты, когда бог, культурный герой и историческая личность сливались как бы в одно целое и запутывали в своих призрачных сетях не только исследователей, но и целые народы. Ярчайшим примером такого феномена является Кецалькоатль — «пернатый змей», бог и человек, культ которого в течение долгого времени существовал среди народов Центральной Америки. Кецалькоатль считался богом-творцом, культурным героем и в то же время являлся исторической личностью. У ацтеков было предание, что Кецалькоатль — правитель Тулы — покинул страну на плоту и обещал вернуться. Поэтому, когда испанцы-конквистадоры появились в Мексике, ацтеки приняли Кортеса, их предводителя, за вернувшегося Кецалькоатля. Результаты этой исторической иллюзии нам хорошо известны.

То же самое можно сказать и об Одине, скандинавском божестве и культурном герое. «Человек Один, — пишет о нем английский философ Т. Карлейль, — обладавший словом и сердцем героя и силой производить впечатление, ниспосланной ему с неба, раскрыл своему народу значение отваги, указал, как благодаря ей человек становится богом, и народ его, чувствуя в сердце своем отклик на эту проповедь, поверил в его миссию и признал ее тем, что послано небом, а его самого, принесшего им эту весть, божеством»².

Явление героя в истории человечества и его эволюции есть та веха, с которой начинается процесс синтеза или изменений в человеческом мышлении и сознании. Энергетика истинного героя, как правило, согласована с ритмом Космического Магнита. Такое согласование складывается в течение длительного времени. «Все образы героев духа, —

сказано в одной из книг Живой Этики, — могут быть изображены как несущие Чашу. Все мироздание отражается в Чаше духа Огненного. Ведь Чаша имеет в себе вековые накопления, которые собираются вокруг зерна духа»³. Иными словами, герой как личность несет в себе проявленную энергетiku Высшего Мира, Мира Огненного, что дает ему возможность показать бесстрашие, терпение и понимание эволюционных задач, недоступных простому смертному.

«Сознание, озаренное пониманием непреложности подвига, может встретить Новый Мир. Такое сознание примет устремление к борьбе против тьмы и сумеет противостоять всем исчадиям ада... На пути к Миру Огненному насытим дух сознанием подвига»⁴.

Герой есть главное энергетическое начало на этом пути в мире физическом. Он является как бы энергетическим сердцем народного сознания, его путеводной звездой, вне зависимости от судьбы, которая ему достается. Он есть персонифицированная связь этого народа, осознанная или неосознанная, с Высшим, ибо в нем изначально воплощается творческая энергия Космической Иерархии. «Герой — тот, — писал Т.Карлейль, — кто живет во внутренней сфере вещей, в истинном, божественном, вечном, существующем всегда, хотя и незримо для большинства, под оболочкой временного и пошлого: его существо там; высказываясь, он возвещает вовне этот внутренний мир поступком или словом, как придется. Его жизнь... есть частица жизни вечного сердца самой природы; такова жизнь и всех вообще людей, но многие слабые не знают действительности и не остаются верными ей, немногие же сильные — сильны, героичны, вечны, так как ничто не может скрыть ее от них»⁵.

Способность в земных условиях постичь реальность вещей и явлений требует мужества и отваги, умения соотнести земной мир с мирами иных состояний материи. «Кроме подвига внешнего героизма может быть ценный подвиг незримый. В духе подвижник постигает высшее творчество и тем становится пособником Творца. На Земле и над Землею, в двух мирах сливается мысль постигающая, и такой подвиг звучит на спасение человечества»⁶. Именно такого качества героизм присущ тем, кто составляет, если можно так сказать, авангардный отряд человечества, указующий последнему путь в запутанных коридорах космической эволюции. Находясь как бы между двумя мирами, небесным и земным, Высшим и физическим, они, тем не менее, не отрываясь от того и другого, несут и выполняют свою космическую миссию. Как сказано в Живой Этике, герой «не отрывается от земли, действуя для духа»⁷. Эти последние слова и раскрывают главную суть понятия «герой», истинная сущность которого связана с духом. И если рассматривать проблему героя с точки зрения взаимодействия духа и материи, то дух, персонифицированный в определенном герое, и есть та движущая сила, которая и пробивает энергетические коридоры дальнейшего одухотворения земной материи. Через героя и его подвиг действует космическая молния удара по веществу, которая продвигает человеческое мышление и сознание и создает для человечества возможность взять очередную эволюционную высоту.

«Искра удара рождает подвиг»⁸, — сказано в одной из книг Живой Этики. И еще — «Так осмотрим каждое явление — не ведет ли оно к подвигу? Так будем следить за всем подвижающим. Кто же может предугадать, какой именно обратный удар двинет новые обстоятельства? Но без удара вещество не придет в движение. Называют очагом подвига эти удары по веществу»⁹.

Как мы видим, за привычным понятием героя стоят сложнейшие явления Космоса, его энергетики, его эволюции. Победа духа над материей, которую несет в себе герой и его энергетика, не может состояться в нашем физическом мире, если нет истинных героев духа, приносящих своим подвигом жертву на Алтарь эволюции всего человечества.

«Великие огненные сподвижники — краса и радость планеты. Должно человечество оказать благодарность этим помощникам»¹⁰. Почитание героев, их культ существовал в истории человечества с самых древнейших времен. Из этого понятия выросло множество направлений человеческого духа и человеческой мысли, начиная от различных систем религиозных верований и кончая земным творчеством в различных его проявлениях. Этические моменты, так необходимые в жизни любого народа, возникали благодаря

почитанию, удивлению перед подвигами героев, на подражании им, на обожествлении их. Народ, лишенный чувства почитания своих героев, теряет свою историю, не осознает собственного достоинства и, наконец, утрачивает свою культуру, для которой энергетика подвига является одной из основных опор.

«Я считаю почитание героев, — пишет Т.Карлейль, — великим отличительным признаком в системах древней мысли. То, что я называю густо переплетшейся чашей язычества, выросло из многих корней; всякое удивление, всякое поклонение какой-либо звезде или какому-либо предмету составляло корень или одну из нитей корня, но почитание героев — самый глубокий корень из всех, главный, стержневой корень, который в значительнейшей мере питает и растит все остальное» 11.

Томас Карлейль, один из немногих философов, глубоко проникший в проблему героя, сумевший сделать выводы, созвучные идеям и подходам, которые мы находим в Живой Этике, ставит эту проблему как одну из основных в эволюции человечества. И в этом оказывается правым. «Я думаю, что уважение к героям, в различные эпохи, проявляющееся различным способом, является душой общественных отношений между людьми и что способ выражения этого уважения служит истинным масштабом для оценки степени нормальности или ненормальности господствующих в мире отношений» 12.

Почти то же самое пишет и Николай Константинович Рерих в своем очерке «Король Альберт»: «Человечество должно беречь своих героев. Также оно должно беречь и память о них, ибо в ней уже будет здоровое, созидательное вдохновение. Жизнь уныла без героя. Тем ценнее, если такие герои не только имеются на страницах преданий, переходя в божественные мифы, но они оказываются посланными и в наше время»¹³. Удивительно точно умел писать Рерих — «Жизнь уныла без героя». Эти, казалось бы, простые слова охватывают весь самый сложный комплекс эволюции человечества и развития его духа. Если бы героев не существовало, то их, как и Бога, надо было бы придумать. Нельзя допустить унылой жизни. К счастью, и Тот и другие существовали и существуют и не только скрашивают нашу жизнь, но и создают ее.

Образы героев развивались и изменялись вместе с движением сознания человечества. Изначальные мифы доносят до нас сказания о богах-героях, информация о которых пришла вместе с искрой духа и соответствовала тому мышлению и сознанию, которое мы называем мифологическим. Этому же уровню сознания соответствовала и эпоха обожествления героев. Религиозное сознание принесло нам героев-пророков, Великих учителей, создавших религиозные Учения. Затем наступил период героев-поэтов, как определяет его Т.Карлейль. Герой-поэт — понятие весьма широкое и в какой-то мере условное. Речь в данном случае идет о творческой личности, обладающей качествами героя. Эта форма героизма в значительной мере присутствует в научном мышлении и сознании. В этот период герой теряет свою древнюю целостную форму и воплощается во множестве форм человеческой деятельности, носящей творческий характер. И в этом разнообразии форм (святой, подвижник, ученый, поэт и т. д.) всегда присутствует в качестве фундаментального понятия изначальный герой, в котором и была заключена основная эволюционная суть. Героическое начало есть тот скрепляющий состав, который объединяет разные формы человеческой деятельности и является в то же время реальным инструментом самого эволюционного синтеза.

«Герой дан — должен ли он стать завоевателем, королем, философом, поэтом? Это явится результатом невыразимо сложных и спорных расчетов между миром и героем. Он станет читать мир и его законы; мир со своими законами будет перед ним, чтобы быть прочитанным. То, чему мир в этом деле даст совершиться, что он признает, составляет, как мы сказали, самый важный по отношению к миру факт»¹⁴.

Истинное героическое начало, как было уже сказано выше, предполагает связь с Высшим. Ибо эта связь и проявляет героя в земных условиях. Но были в человеческой истории такие периоды, когда эта связь порывалась. Так произошло в XVIII веке, когда формировалось новое научное мышление и сознание в отрыве от религиозного сознания. Это случилось в

результате церковного преследования научной мысли. Вместе с верой ушли и герои. «Самая возможность героизма отрицалась тогда, так сказать, формально в сознании всех людей. Героизм прошел навсегда; наступили тривиальность, формализм, общие места, наступили, чтобы остаться навсегда. Мир опорожненный, где удивлению, величию, божеству не было уже более места; одним словом, безбожный мир»¹⁵. Однако ничего в нашем земном мире не существует вечно. Проходит какой-либо век с его конкретной энергетикой, наступают иные времена, которые открывают человечеству новые возможности и новые горизонты...

Героическое начало есть особое энергетическое явление, которое, как золотой дождь, оплодотворяет косную земную материю и заставляет ее плодоносить, в какой бы области человеческой деятельности это ни происходило. Это начало присутствует в таланте, гениальности, уникальном даровании. Оно превращает личность, обладающую этими способностями, в носителя света, что является на нашей земле тяжелым и опасным занятием. Отсутствие героического начала в творческой личности лишает ее творчество, в какой бы форме оно ни выступало, одухотворенности и света. «Героическое дарование», как называет это явление Т.Карлейль, определяет весь комплекс способностей и талантов человека. Если героического дарования в человеке нет, то любое другое будет выражено слабо или совсем не выражено. Иными словами, героическое начало, присутствующее в личности, обуславливает весь ход ее эволюционного развития, пути ее совершенствования и результаты ее творческих усилий. Оно же определяет и наличие тех качеств, которые отличают их носителя от других.

Нередко эти качества бывают несовместимы с обывательской психологией толпы и вызывают у последней протест и неприятие. «Дни великих подвигов пусть живут в памяти вашей, — сказано в одной из книг Живой Этики. — Они, как цветы весенние, могут обновлять сознание. Труды подвигов были тяжки, особенно своей отделенностью от сознания масс. Обычно случается, что подвижник не знает своих истинных сотрудников, лишь иногда он издали может послать им привет»¹⁶.

Героическое, будучи явлением более высокого мира иного измерения, представляет в нашем физическом мире то, что мы называем вечной ценностью. И, как талант, оно или есть в человеке, или его нет. Из ничего оно взяться не может, героическое начало личность приносит с собой в этот мир для того, чтобы реализовать его в сужденной ему борьбе, труде или творчестве.

И, конечно, важнейшее достоинство героя — отвага, умение преодолеть страх. Без этого нет героя как такового. Мужество и бесстрашие, причем не одноразовое, не моментное, а долговременное и постоянное, проявляемое во всех деяниях, мыслях и поступках. Подвиг любого истинного героя, кем бы он ни был — воином или святым, вождем или поэтом, королем или художником, невозможен без этого героического качества. Энергетика подлинного героя такова, что это качество не расходуется им по мере проявления его, а, наоборот, все время воспроизводится и не иссякает. Именно с мужеством и подавлением страха связаны сильные проявления правдивости и искренности, свойственные герою как таковому. «Первая обязанность человека, — пишет Т.Карлейль, — подавить чувство страха. Мы должны быть свободны от него, иначе мы не можем действовать. Иначе поступки наши — поступки рабов; не искренние, а лишь для глаза, даже мысли наши фальшивы: мы мыслим, как рабы и трусы, пока не научились попирать страх ногами. Мы должны быть мужественны, идти вперед, храбро завоевывать свободу — в спокойной уверенности, что мы призваны и избраны высшей силой, — и не должны бояться. Насколько человек побеждает страх, настолько он — человек»¹⁷.

Последние слова — самые важные в этом блистательном фрагменте. Они свидетельствуют о том, что именно героическое начало есть основа самосовершенствования человека в процессе эволюции и что те, кто являются носителями этого начала, и становятся теми, кто играет важнейшую и непреходящую роль в этом процессе. Без этого начала человек не станет человеком; без него не состоится его эволюция. В обществе и в отдельном человеке идет напряженная борьба между страхом и необходимостью проявить мужество, иными словами, между свободным героизмом духа и трусливым бытием, погруженным в объятия

успокаивающей материи. Уровень одухотворенности человека измеряется его внутренней свободой и отвагой. Той внутренней свободой и отвагой, которая в подлинном герое проявлена и вследствие этого направлена уже вовне.

Проблема героического одухотворения человека и общества крайне важна, ибо даже великий герой не в состоянии управлять толпой трусов и рабов. Высокий уровень одухотворенности героя неизбежно приводит к тому, что его видение мира и вещей, как правило, иное, нежели у простых смертных. То, что не видит обычный человек, хотя тайна сия может лежать на поверхности, доступно взору подлинного героя. Такую тайну Гете называет «открыто лежащим на виду у всех секретом». Карлейль же пишет о том, что герой «сквозь внешнюю видимость вещей проникает в самую суть их»¹⁸. И прекрасно сказал об этом великий русский поэт А.С.Пушкин, героическая звезда которого до сих пор ярко и неутомимо горит на небосклоне российской культуры. В своем стихотворении «Пророк» он показал суть героического так, как никому не удавалось до него.

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился,—
И шестикрылый серафим
На перепутьи мне явился.
Перстами легкими, как сон,
Моих зениц коснулся он.
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он,—
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.
И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замерзшие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул
И угль, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп, в пустыне я лежал,
И бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей»¹⁹.

Здесь все так точно и истинно, как может написать лишь гений. А слова «исполнись волею моей», обращенные к пророку, стоят многих философских трудов, анализирующих связь человека с Высшим.

Каждый человек, в ком живет героическое духовное начало, исполняется именно этой Высшей волей, несет сужденную ему миссию с полной верой в эту Волю. В этом убеждении и вере герой преодолевает все препятствия на своем пути.

Недоверие и ирония окружающих, как правило, сопутствуют выполнению такой миссии. Соседи и друзья высмеяли создателя великой религии Мухаммеда, который, будучи простым и малограмотным человеком, объявил им о своем намерении. Когда Жанна д'Арк, семнадцатилетняя деревенская девушка, попросила хозяина замка устроить ей встречу с королем Франции ради спасения страны, то встретила лишь насмешки. Их поступки внешне выглядели аналогично и наивно, хотя внутренне они были исполнены той Высшей волей, о которой писал Пушкин в своем «Пророке». В отличие от обычных людей, они эту волю приняли к исполнению, твердо убежденные в своем предназначении. Людям же, лишенным героического начала, это было непонятно. Гениальный роман Сервантеса «Дон Кихот» повествует о той же несоотнесенности внутреннего мира героя и внешнего мира обывателей, чей взгляд всегда упирается в землю, оставляя дух идеального герою-одиночке, даже такому смешному, как Дон Кихот. Но смешным Дон Кихот являлся лишь в глазах обывателей, в то время как в себе он нес трагедию умирающего героизма рыцарской эпохи. Роман Сервантеса глубоко философичен, и его обличающая сила направлена против трусов и холопов, которые начинали становиться во времена Дон Кихота хозяевами жизни. Сам Дон Кихот, пройдя через жестокие испытания, не был сломлен духовно. Именно несломимость духа и благородная готовность, несмотря ни на какие обстоятельства, прийти другому на помощь свойственны подлинному герою. Лишь героические личности способны на полное самоотречение во имя Общего Блага, во имя задач Космической эволюции, которые им приходится выполнять. «Только отказавшиеся сознательно от личного и перенесшие сознание в понятие эволюции Мира могут в нашем понимании называться подвижниками»²⁰, — сказано в одной из книг Живой Этики.

Такие качества, как отсутствие самости и себялюбия, щедрость и бескорыстие, великодушие и благородство, высокий ум и отзывчивое сердце — дополняют тот облик подвижника и творца, в котором господствует героическое начало, продвигающее не только самого героя, но и народ, среди которого живет и действует эта великая личность. «Герои, — писал Н. К. Рерих, — во время их стремительного подвига и не подозревали, что они являются выразителями стран, выразителями самой ценной конденсированной психологии. Они творили Благо. Они следовали своему непосредственному зову сердца. Иначе они и не могли бы действовать, ибо иначе они не были бы теми самыми героями, память о которых не только живет, но и возносится и углубляется в проницательности народной»²¹.

Герой, в каком бы обличьи он ни был, проявляет и оформляет то, что нередко подсознательно живет в самом народе. Поэтому роль героя в истории человечества, в развитии его духовной культуры и росте его сознания велика и определяющая.

«... Всемирная история, — отмечает Т. Карлейль, — история того, что человек совершил в этом мире, есть, по моему разумению, в сущности, история великих людей, потрудившихся здесь на земле. Они, эти великие люди, были вождями человечества, воспитателями, образцами и в широком смысле творцами всего того, что вся масса людей вообще стремилась осуществить, чего она хотела достигнуть; все содеянное в этом мире представляет, в сущности, внешний материальный результат, практическую реализацию и воплощение мыслей, принадлежащих великим людям, посланным в наш мир. История этих последних составляет, поистине, душу всей мировой истории»²².

Карлейль сравнивает героическую личность с молнией, и в этом сравнении заключен глубочайший смысл. Ибо герой несет в своей энергетике искры Огненного Мира, через который Космическая Иерархия воздействует на эволюцию земного человечества и его историю. «Великий человек, с его свободной силой, исходящей прямо из рук Божьих, есть молния. Его слово — мудрое, спасительное слово; в него могут все поверить. Все воспламеняется вокруг этого человека, раз он ударяет своим словом, и все пылает огнем, подобным его собственному»²³.

Так же кратко и точно выражает свою мысль об историческом назначении героя Николай Константинович Рерих, в ней звучит одна из важнейших идей Живой Этики: «Жизнь героя ведет человечество. Как исток вдохновений, как мера прекрасного, как побудитель мужества

— так звучит голос истинного героизма»²⁴.

И хотя герой в действиях и мыслях нередко опережает свое время, выступая в качестве ведущей силы в эволюционном процессе, ему приходится существовать и работать в конкретных исторических условиях. И тут возникают противоречия между побуждениями и устремлениями великой личности и материей самого исторического процесса. Эти противоречия, как правило, создают самые тяжелые, а подчас и трагические условия для такой личности, делая ее труд нередко опасным и неблагодарным.

«Не во всемирном услышании идет герой духа, но в истинном испитии чаши яда»²⁵. В одиночестве он прокладывает свой земной путь, на котором его поджидают страдания и тот терновый венец, которым Земля обычно венчает своих лучших и великих. Терновый венец, осуждение современников, а нередко клевета и поношения есть те отличительные знаки, которыми земное человечество награждает своих героических сыновей и дочерей, без которых оно само никогда не смогло бы подняться по ступеням эволюционного восхождения. Но таковы законы физического мира, таковы особенности взаимодействия духа и материи в этом мире. Герой, являясь олицетворением Космического духа, вступает в борьбу с косной материей, стараясь одухотворить ее своей энергетикой, своей мыслью, своим действием. Он стремится поднять на эту борьбу и тех, в ком материя не дает подняться мысли и сознанию. Будучи облеченным важной миссией, герой уходит из этого мира, увенчанный терновым венцом. Этот венец и сам герой неразрывно связаны друг с другом. В этом диалектика жизни земных героев, несущих на землю небо, в котором в этой земной юдоли страданий и печали далеко не все нуждаются. «Какой бог, — пишет по этому поводу Карлейль, — мог когда-нибудь пробиться в открытые церковные собрания или в какой-нибудь сколько-нибудь влиятельный синагог? Когда какое-либо божество было «приятно» людям? Обыкновенный порядок вещей состоит в том, что люди вешают своих богов, убивают, распинают на кресте и в течение нескольких столетий попирают их ногами, пока они вдруг открывают, что то были боги, тогда они опять-таки на очень глупый манер начинают бляеть и кричать»²⁶.

И как всегда убедительно и проникновенно звучат слова Рериха: «Никто не имеет права сожигать Жанну д'Арк. Кому дано право унижить Рембрандта? В сложных для земного глаза судьбах звучат законы и высокие, и требующие особых выражений. Нищета Рембрандта — величественна. Костер Жанны д'Арк — прекрасен. Тернии Конфуция — поучительны. Терновый Великий Венец ведет мир»²⁷. В этих последних словах о терновом Венце заключена глубокая и важнейшая мысль об эволюционно-историческом значении героев. «Терновый Великий Венец ведет мир». Можно ли сказать ярче и точнее? Именно такое понимание роли героев в человеческой истории и эволюции заставило Николая Константиновича Рериха все время обращаться в своем творчестве к этой теме. Все мы помним художественно выразительные, наполненные биением высокой философской мысли его картины: «Звезда Героя», «Слава Герою», «Пламень Герою», «Чаша Герою», а также «Жанна д'Арк», «Гесэр-хан», «Христос», «Святой Сергей Радонежский», «Святой Франциск» и многие другие. На его полотнах — воины, святые, религиозные Учителя — все те, которые двигали историю и эволюцию человечества, через которых осуществлялось ведущее начало Космической Иерархии и чьи жизни явились примером героизма и самоотречения. Их терновые Венцы вели, ведут и будут вести мир, творя земную историю человечества по Великим космическим законам. Отношением к этим подвижникам история будет судить народ, эпоху и отдельного человека. «В истории всякой великой эпохи самый важный факт представляет то, каким образом люди относятся к появлению среди них великого человека»²⁸. Это опять Карлейль. Этим же отношением будет измеряться качество мышления людей и уровень их сознания.

Рерихом написана целая серия очерков, посвященных героям и героическому началу в истории человечества. Многие из этих очерков вошли в предлагаемый читателю сборник. Николай Константинович выделяет в деятельности и судьбе великих людей наиболее существенное. Перед нами — эпические, исторические и современные герои: Роланд, трубящий в рог и призывающий воинство Франции, рыцари Круглого Стола, их король

Артур, таинственный Грааль, к которому вечно устремлен дух человеческий, герой германских сказаний и мифов отважный Зигфрид, Франциск Ассизский, Далай-Лама V, Акбар — император далекой Индии, до сих пор не оцененный историками Чингис-хан, Лао-цзы, Конфуций, греческие мыслители Платон и Сократ, а также Ермак, Святой Антоний, Пламенный Исаак Сириин, духовный воитель и создатель русской культуры Святой Сергей Радонежский, святая Екатерина, святая Тереза, святые и мыслители Рамакришна и Вивекананда, Ориген — борец за истинность христианского учения.

Каждый из них прошел свой земной путь, выполнил свою миссию, оставил яркий след в истории своего народа и достойно пронес свой терновый венец.

Среди очерков, включенных в сборник, особое внимание заслуживает очерк «Душа народов», в котором Рерих дает как бы общую картину процесса, рождающего героев в земных условиях, и рассматривает роль героев в созидательной деятельности разных народов. Герои есть выразители духа народа, его сознания — справедливо утверждает Николай Константинович. Иными словами, герой есть персонифицированный дух народа, появляющийся в необходимое для этого народа время или эпоху. Среди русских героев и подвижников особо выделяется имя и облик Святого Сергия Радонежского. «Опять далеко за пределами церковного подвига, — пишет Рерих, — строительное и просветительное имя Святого Сергия хранится в сердцах как драгоценнейший Ковчег духа. Хранится оно как прибежище народного сознания в трудные минуты мировых перепутий»²⁹.

Святому Сергию Николай Константинович посвятил не один очерк, но «Свет неугасимый» самый впечатляющий среди них. «Высокий Воспитатель русского народного духа, Истинный Подвижник Православия, Воевода за правду и строительство Преподобный Сергей Радонежский является крепким прибежищем русского народа во все трудные години земли русской. Жизнеописание Преподобного Сергия говорят о многих знаменательных чудесах Преподобного, и чудеса эти просияли не только при жизни Подвижника, но и после отхода Его в течение всех веков и до сего дня»³⁰.

Благословивший Дмитрия Донского на решительную битву с татарами на поле Куликовом Сергей Радонежский был истинным строителем и хранителем русского государства. «Русская государственность не погибнет до тех пор, пока у Раки Преподобного будет гореть лампада»³¹, — приводит Рерих слова крупнейшего русского историка Ключевского.

И удивительно современно сейчас звучат рериховские слова, написанные им о Сергии Радонежском в 1934 г.: «Невместно и неприлично русским людям позволять силам темным разлагать и разъединять. Невместно перед Святым Ликом клеветать и лжесвидетельствовать. Невместно исполняться страхом и сомнением там, где горит правда Христова, вознесенная Священным Воеводою земли русской Преподобным Сергием»³².

Тогда, в этом черном для России году, начинались массовые репрессии, унесшие многие жизни. Рерих как бы обращался к тем, кто не выдерживал испытания страхом, и призывал их укрепить свой дух именем Великого русского Святого. Сейчас, в иное время и в других обстоятельствах, эти слова звучат не менее актуально. «Невместно и неприлично русским людям позволять силам темным разлагать и разъединять». Приходится только удивляться этим словам, сказанным русским художником в нашем веке, на которые его вдохновил героический подвиг святого, жившего более шести веков назад. Видимо, духовно-энергетическое влияние таких великих личностей, каким был Сергей Радонежский, длится многие века и будет существовать еще долго в пространстве, называемом Россией. И мы еще не раз назовем это имя и прибегнем к его помощи.

Рерих создал при своем Музее в Нью-Йорке общество Святого Сергия и посвятил его созидательной жизни ряд прекрасных полотен, одно из которых находится в Третьяковской галерее, а другое в Музее Н. К. Рериха при Международном Центре Рерихов.

И еще одна героическая личность заслуживает особого упоминания. Это Жанна д'Арк, спасшая Францию в XV веке. Среди многих великих деятелей ее звезда сверкает наиболее ярко на небосклоне истории человечества. Жанна д'Арк была как бы олицетворением духа самого подвига, самого героизма в его чистом и абсолютном выражении. Все те качества, о

которых писалось выше, как бы сложились в ней в сверкающий кристалл, полыхающий огнем великого Служения и не менее великого претворения. И если когда-либо свершалось Чудо на этой грешной и многострадальной земле, то это было явление Жанны д'Арк. Оно свершилось на глазах многих ее современников, но не было ими увидено и не было ими осознано. Современники ошельмовали чудо, а затем сожгли его и тем самым еще раз доказали, что человечество еще не достойно истинных чудес.

«Но Великий Закон должен был в ней (Жанне д'Арк — Л. Ш.) найти еще одно светлое свидетельство Истины. Пламень ее сердца, пламень костра — венец пламенный, все это далеко поверх обычных законов. Даже поверх обычного воображения человеческого»³³. И это рериховское «поверх обычных законов» сразу дает нам представление о сути совершенного Жанной и о том Высшем, с которым она была связана.

В 1429 г. семнадцатилетняя крестьянская девушка покинула свою деревню. Через два года она была сожжена на костре. В коротком промежутке между этими датами она короновала короля Франции, реорганизовала разложившуюся армию и освободила захваченные врагом французские города. Если бы это не свершилось в действительности, никто бы не поверил в такую возможность. Но это не имело для нее самой особого значения, главное — что она верила Тем, Кто направил ее по славному, но тернистому пути. И своими действиями она, будучи натурой абсолютно героической, сумела преодолеть противоречие между двумя мирами — нашим физическим и тем Высшим, откуда шли задания. Нисколько не колеблясь и полностью убежденная в своей правоте, она отправилась в замок к сирю Роберу де Бодрикуру и сказала ему буквально следующее:

«Я к вам от Мессира. Пошлите сказать Дофину, чтобы он крепко держался, но битвы врагам не давал... потому что до Преполовения Мессир поможет Дофину... Воля Мессира, чтобы Дофин был королем и вопреки всем врагам своим он им будет: я это сделаю, отведу его на королевское венчание...

— Кто же такой этот Мессир? — спросил Бодрикур с удивлением.

— Царь Небесный, — ответила Жанна»³⁴.

Хохочущая челядь вытолкала ее из замка. В собственной деревне на нее показывали пальцами, бегали за ней и кричали: «Вот кто восстановит королевский престол и спасет Францию!» Жанна гордо шагала в своей красной заплатанной юбке и не обращала внимания на своих обидчиков.

(Я так подробно останавливаюсь на всем этом, чтобы показать тот абсолютный героизм, которым обладала эта девушка. Приведенные факты взяты Мережковским из французских источников и являются подлинными).

Отношение окружающих не остановило Жанну. Она вновь отправилась к Бодрикуру и, несмотря на случившееся в его замке, имела мужество вновь заявить ему:

«Знайте, Мессир, что Господь снова велел мне идти к Дофину, чтобы, взяв у него ратных людей, освободить Орлеан и отвести Дофина в Реймс на венчание!»³⁵

Бодрикур, естественно, не поверил ни единому ее слову. Но положение Франции было отчаянным, англичане захватили значительную ее часть, и конца этой безжалостной и разорительной войне не было видно.

Через несколько месяцев Жанна в сопровождении двух рыцарей отправилась в Нанси к герцогу Лоренскому.

Потом случилось все так, как ей было сказано. Она возглавила разбитую армию и как опытный полководец повела ее на врага. На какое-то время в своих серебряных латах и на белом коне она стала главной фигурой на исторической сцене Франции, на которой разыгрывался один из самых ее трагических спектаклей. Устремленная к своей высокой цели, ведомая Высшим, она возможно и не подозревала, что труссы и завистники уже начали плести ту паутину, в которую ей суждено было попасть. Среди них первыми были церковники, которые отстаивали свою монополию на связь с Высшим и не могли простить Жанне ее прямого контакта с Ним.

Позже главный судья Жанны, епископ Бовезский Пьер Кошон, напишет главному инквизитору Франции Жану Граверену: «Дело идет о том, чтобы сохранить целостность святой католической веры. Истине дать воссиять может только Святейшая Инквизиция»³⁶. Если Великий Инквизитор Достоевского решил сжечь Христа за то, что он «пришел нам мешать», то костер Жанны имел тот же самый смысл.

И Церковь, и королевский двор понимали, что если оставить Жанну д'Арк в живых, она будет мощным соперником им обоим. Ее популярность в народе росла и противостоять этому не могли ни Святейшая Инквизиция, ни король. В «знак благодарности» она была выдана врагу. Суд церкви, затеянный над ней, продолжался шесть изнурительных месяцев.

«21 февраля 1431 г., — пишет Д. Мережковский, — в восемь часов утра в часовню Руанского замка в присутствии монсиньора епископа Бовезского, Пьера Кошона, брата Лемэтра, заместителя главного инквизитора Франции, Генриха, герцога Бедфордского, архиепископа Винчестерского и кардинала Англии, а также множества французских и английских епископов, аббатов, священников, архидиаконов, каноников, монахов бенедиктинского, доминиканского, францисканского и других орденов, докторов и бакалавров богословия и законоведения, — введена была для первого допроса Жанна, с цепями на ногах...»³⁷.

Цель у достопочтенного собрания была одна — доказать, что Голоса, которые послали Жанну освобождать Францию, были не от Бога, а от дьявола. Многочисленным ученым богословам и церковным иерархам путем различного рода подмен и словесных изощрений удалось это сделать.

В 9 часов утра 30 мая 1431 г. Жанну вывели из тюрьмы, посадили в телегу и под охраной восьмидесяти ратников повезли через Руан на площадь Старого рынка у церкви Христа Спасителя. Там было сооружено три помоста: первый для «увещевания милосердного», второй для судей и самый высокий с поленницей дров для костра. К столбу этого помоста была прибита доска с надписью: «Жанна, рекомая Дева, лгунья злоковарная, пагубная обманщица, колдунья, кощунница... служительница дьяволов, отступница, еретица и раскольница»³⁸.

Со второго помоста епископ Бовезский прочел приговор: «Именем Господним... мы объявляем тебе, Жанна, что должно тебе, как члену гнилому, быть из Церкви исторгнутой, дабы всех остальных членов не заразить...»³⁹. Так Церковь отлучила от своей «благодати» Вестника Высшего, посланного на помощь многострадальному народу.

Палач вывел Жанну на помост. На ней была длинная белая рубаха, пропитанная серой, на бритую голову надвинута остроконечная желтая митра. На митре большими черными буквами выведено: «Еретица, Второотступница, Идолопоклонница».

Вспыхнул костер, и дым поднялся высоко к синему небу. Вечером пепел бросили в реку.

Вскоре из Парижского Университета было направлено письмо Папе, главе Католической Церкви. «В смерти этой несчастной девушки обнаружилось до очевидности, — писали ученые богословы, — сколь опасно и пагубно слишком легко доверять сим новым, в христианском королевстве нашем с недавнего времени не только этой женщиной, но и многими другими, подобными ей, рассеваемым бредням... Всех добрых сынов Римской католической Церкви должен бы остеречь этот столь наглядный пример от того, чтобы слишком полагаться на свой собственный разум, и научить прилепляться к учению Церкви больше... нежели к басням суеверных жен»⁴⁰.

Полагаю, что письмо в особых комментариях не нуждается. Однако в нем содержится, хотя и в завуалированной форме, нечто такое, что заставляет поразмыслить. Речь идет об упомянутых «новых бреднях». Высшие голоса и видения не были чем-то новым в христианской практике. Новое заключалось совсем в ином, хотя и было тесно связано с подобной практикой.

На лазоревом фоне знамени Жанны был выткан белый голубь, считавшийся в ортодоксальном христианстве символом Духа Святого. Жанна ради этого голубя отказалась от личного герба, пожалованного ей королем за заслуги перед Францией.

Христианская троица — Отец, Сын и Дух Святой — и учение о трех Мирах различных состояний материи, которое мы находим в Живой Этике, имеют одну и ту же подоплеку. Жанна д'Арк не только слышала голоса, пославшие ее на бой за независимость Франции, но она была причастна к учению о Святом Духе, как символе третьего состояния материи, или Мира Огненного.

«Вспомним согласно-повторяющееся, — пишет Д. Мережковский, который был не только писателем, но и крупным философом, — в веках от Августина в «Граде Божиим» до Иоахима Флорского в «Вечном Евангелии», то видимое, то невидимое, тайное, как течение подземной реки, учение о Трех Заветах. Только два Лица Божия — Сын и Отец — увидены христианством во временном, историческом, известном нам Евангелии, а в неизвестном, в Апокалипсическом, Вечном — увидены будут все три Лица — Отец, Сын и Дух»⁴¹.

«В первом Завете, Отца, — цитирует философ Иоахима Флорского, — звездный свет, ночной; во втором Завете, Сына, — Свет утренний, сумеречный; в третьем Завете, Духа, — дневной, солнечный. В первом — Закон, во втором — Любовь, в третьем — Свобода»⁴². Этот Третий завет, который исповедовала Жанна, связывал ее с другой героической личностью, воплотившейся на земле два века до нее, Франциском Ассизским. Известно, что существовало Третье Братство Святого Франциска — «Третье Царство Духа». Так в глубинах средневековой христианской церкви складывались новые представления о мироустройстве, носителем которых была Жанна д'Арк. Третий Завет заключал в себе такие понятия, как Дух, Свобода, Огонь. Иными словами, все те составляющие, которые образуют Огненный Мир, высокую цель Космической эволюции человечества.

Роль Жанны д'Арк была не только исторической, но и эволюционной. Иоахим Флорский, Франциск Ассизский и Жанна д'Арк были первыми вестниками Мира Огненного. Они принесли на землю весть о нем и сами прошли через соприкосновение с огнем в земных условиях, ощутив на себе третье состояние мировой материи.

«Я крещу вас в воде ... Но идущий за мною сильнее меня ... Он будет крестить вас Духом Святым и Огнем»⁴³.

«Дух-Свобода-Огонь»; в этом религиозном опыте, уже почти геометрически для нас очевидно, Иоахим, Франциск и Жанна стоят на какой-то последней между двумя Заветами черте: между «вторым состоянием мира, водным», в Сыне, и «третьим, огненным», в Духе; на какой-то соединяющей их точке — последней Второго Завета и первой Третьего»⁴⁴.

Судьба Жанны д'Арк и ее воплощение дает нам уникальную возможность проследить дальнейшее развитие этого огненного опыта во времени и пространстве. Явление Елены Ивановны Рерих, одной из самых героических личностей нашего века, продолжило огненный опыт Жанны д'Арк, не в столь трагических обстоятельствах, но достаточно сложных. Цель энергетического эксперимента, который с ее участием проводили Космические Иерархи, состояла в том, чтобы сдвинуться с первой точки Огненного Мира и пройти дальше, в глубь его энергетики. Такое действие было жизненно-необходимым для данного этапа Космической эволюции человечества. Так же, как и остальных, Елену Ивановну не миновал терновый Венец страданий, боли, непонимания и клеветы. Но она хорошо помнила, что Жанна прошла и выдержала более тяжелую судьбу. Без того опыта, который обрела она в 1431 г., эксперимент XX века не смог бы состояться. Как обычный человек совершенствуется из воплощения в воплощение, так и герой или выдающаяся личность выполняют свое задание нередко на протяжении нескольких жизней.

«Но на земле, как в горниле, — писала Елена Ивановна, — самые разнообразные энергии сталкиваются, притягиваются и уявляются на очищении и трансмутации в более совершенные или тонкие энергии под воздействием огня пробужденного духа, от таких столкновений и неожиданных соединений различных энергий нарождаются новые энергии, несущие новое творчество, новые возможности. Земля есть место испытания, искупления и великого творчества»⁴⁵.

В этом состояла новая творческая концепция Космических Иерархов. Прежде всего Земля, опора на ней, низведение на нее высших энергий. Только таким путем можно преобразовать

плотную материю земного мира, утончив ее и повысив ее энергетический потенциал. Учитель называл этот процесс — «коснуться Неба на Земле».

Лучи Космических Иерархов, как тонкие хирургические инструменты, формировали новую энергетику Елены Ивановны Рерих, в которой Земля сопрягалась с миром иных состояний материи и прежде всего с Миром Огненным, миром духотворчества, без которого невозможно было ни обновление Земли, ни новый ее эволюционный виток, к которому стремился одухотворенный Космос.

И как бы подводя итоги своего земного пути, она писала в одном из писем: «Мне уже 70 лет, и я прошла Огненную Йогу... Как неземно трудно принимать в физическом теле среди обычных условий огненные энергии. Огненная трансмутация утончила мой организм, я остро чувствую всю дисгармонию и все пространственные токи, мне трудно среди людей...»⁴⁶.

Елена Ивановна и Николай Константинович Рерихи героически выполнили свою миссию на этой земле, создав в сотрудничестве с Великими душами учение Живой Этики, учение о Космической эволюции и Огненном Мире. И так же, как и другие героические личности, остались до сих пор по-настоящему непонятыми своими современниками. Оба они, глубоко понимая эволюционное значение героического начала, всячески старались поддержать его достоинство и защитить его историческую суть.

«... Там, где понятие героя является чем-то смешным и даже неприличным, там разложение. По этому признаку можно судить о дряхлости нации. Завет Величайшего Духа, покидавшего нашу планету, своим оставшимся Братьям был — «творите героев!». Пришло время, когда мы все должны стать героями и творить героев»⁴⁷.

XIX век, время становления буржуазных отношений, стандартизации общества, мало подходил для явления героев и их почитания. Это был век, «отрицающий, так сказать, — писал Т. Карлейль, — самое существование великих людей, отрицающий самую желательность их»⁴⁸. И еще: «Если сами мы холопы, для нас не может быть героев»⁴⁹. Пришедший ему на смену XX век, время социальных взрывов и катастроф, в значительной мере усложнил проблемы героического начала, обострил его диалектику, вынес на поверхность того, кто называется антигероем (Он сформировался в ситуации, когда развитие техники и конвейерного производства привело к господству материи и сузило до предела пространство духа).

С этой точки зрения наиболее интересна для размышлений и исследований история России последних восьмидесяти лет. Именно в ее пространстве, чаще чем в какой-либо иной стране, звучало слово — «герой». Именно здесь в последние девять лет как бы неожиданно, но устойчиво сформировалось явление антигероя.

Революция 1917 г. среди своих разрушений, пламени и крови создала пьедестал для героев. Слова — «герои революции», «герои гражданской войны» — звучали чаще иных. На пьедестале оказались самые разные люди — и подлинные герои, и те, которые, подделываясь под героев, всяческими ухищрениями добивались официального признания. Революция давала место и тем, и другим. В хаосе разрушения и крушений прежних устоев жизни нередко случалось так, что недостойный присваивал лавры подлинного героя. Трагедия и фарс, истинный героизм и предательство шли рядом. Но несмотря на все это, революция высоко держала знамя Героя, иногда, в силу сложившихся обстоятельств, трактуя его по-своему. Эти же исторические обстоятельства формировали и облик самого героя, воинственность которого, жестокость и непреклонность ценились выше других качеств. В то же время подлинные герои революции обладали способностью к самопожертвованию и нередко забывали о себе во имя Общего дела, как они его понимали.

«В том, что человек так или иначе поклоняется героям, — пишет Т.Карлейль, — что мы, все мы, почитаем и обязательно будем почитать великих людей, я вижу живую скалу среди возможных крушений, единственную устойчивую точку в современной революционной истории, которая иначе представлялась бы бездонной или безбрежной»⁵⁰. Иными словами, в самом явлении героизма, даже революционного, заложено то созидательное начало, которое

противостоит всем разрушениям и хаосу. Хотя революция, без сомнения, несет в себе разрушительное начало. И лишь истинный героизм, заключающий в себе созидание, есть тот фундамент, опираясь на который начинают действовать созидательные силы Нового мира. С этой точки зрения фигура вождя революции В. И. Ленина обретает значение мирового масштаба. Когда в «Общине», в одной из книг Живой Этики, Учителя дают справедливо высокую оценку его личности, они имеют в виду, в первую очередь, то героическое начало, которое неизменно в нем присутствовало. И как бы ни оценивали его современники, а эти оценки имеют широкий диапазон от плюса до минуса, от обожествления до разрушения его памятников, неизблемым остается одно — его явная роль в коренном преобразовании мира.

Оценивая деятельность руководителей Французской Революции, Т.Карлейль отмечает: «Но когда самый путь оказывается неровен, когда он исполнен борьбы, затруднений и опасностей, то духовный полководец, ведущий народ по такому пути, приобретает преимущественный перед всеми другими интерес для пользующихся плодами его руководства. Это — воинствующий и ратоборствующий пастырь, он ведет свой народ не к мирному и честному труду, как в эпохи спокойной жизни, а к честной и отважной борьбе, как это бывает во времена всеобщего насилия и разъединения, что представляет более опасное и достойное служение, безразлично, будет ли оно в то же время более возвышенным или нет»⁵¹. Этот короткий фрагмент, написанный крупным философом XIX века, глубоко и точно объясняет трагедию и назначение человека, подобного Ленину. Определение — будет ли служение такой личности «более возвышенным или нет», увязано с той исторической ситуацией, в которой эта великая личность действует и творит. То земное пространство, в котором она находится, неизбежно накладывает на нее свой отпечаток. Такой личности бывают свойственны ошибки, и поступки ее бывают не столь возвышенными, как хотелось бы.

Но как бы то ни было, то героическое начало, которое присутствовало в вожде русской революции, было в нем главным и определяющим. Оно как бы сконцентрировало в себе качества многих народных героев, их стремления и надежды. Ленин умер, не доведя до конца той созидательной работы, которую он складывал в самых неблагоприятных для себя условиях.

Вождь, пришедший ему на смену, был создателем той системы, которую мы называем тоталитарной. Настала эпоха угнетения человеческого духа и мысли, кровавых расправ с инакомыслящими, страха и приспособленчества. Героизм в стране в это время был возведен в культ, но содержание его далеко не соответствовало самому слову. «Страна героев» далеко не отвечала тем требованиям, которые предъявляла к такому понятию космическая эволюция. Здесь произошла та же подмена, которая возникла в других областях человеческой деятельности страны. Эти подмены нарушали Великие космические законы, искажали эволюционный путь страны, замедляли развитие духа целого народа. Само понятие героя и героизма было неимоверно обужено государственной идеологией. Всевластие правящей партии привело к тому, что герои назначались исходя из интересов этой партии и государства. «Герой Советского Союза», «Герой Социалистического Труда», золотые звездочки на лацканах пиджаков удостоившихся этого звания, специальные привилегии, безусловное уважение к носителям этих званий. Маски героев надевали на самых разных людей, и зачастую их нравственные качества не соответствовали не только чертам подлинных героев, но и обычных людей. Официальная сцена тоталитарного государства не могла обойтись без этих масок и золотых звездочек. «Страна героев» должна была оправдать свое название. Имена героев были известны всем, на этих именах пытались воспитывать молодое поколение. Однако вся система «героического» воспитания была шаткой, ненадежной и могла развалиться от первого же прикосновения реально осознанной жизни. В то же время подлинные герои — философы, ученые, писатели, воины, духовные водители не были известны народу, нередко они находились в тюрьмах, гибли в концлагерях, были вычеркнуты властной рукой из жизни страны, томились в изгнании. Несмотря на тяжелейшие условия жизни, они, как подлинные герои, не приспособивались к

обстоятельствам, а стремились подчинить их себе; не меняли под давлением страха своих взглядов и убеждений, не сдавались духовно на милость «победителей». Их имена, вырванные временем из забвения, стали нам известны потом: П.Флоренский, Н.Вавилов, А.Лосев, А.Солженицын, Л.Гумилев, А.Ахматова и другие, многие другие, которые и составили, несмотря на гибельные обстоятельства их существования, духовно-героическую основу нашего народа. Эти имена продолжают жить в нашей благодарной памяти. Всегда так было и так будет — героя венчает терновый Венец, а не призрачная корона ненадежной любви власть придержащих.

На смену маскам героев, созданных тоталитарным режимом, пришли антигерои — знамение нашего времени. Нравственно не обремененные, меряющие свое достоинство деньгами, готовые на преступления и совершающие эти преступления, развращающие народ своими низкопробными шоу — они считают свободу вседозволенностью и средством материальной наживы. Они оказывают самое губительное воздействие на страну в целом. Их разрушительный потенциал — яркое свидетельство того, что героическое созидательное начало им чуждо. Среди этой огромной стаи антигероев, выплывших на поверхность, есть и бизнесмены, и члены правительства, и мафиози, и государственные чиновники, и услужливые политики, и продажные журналисты. И вновь, как во времена тоталитаризма, не допущены к власти и главным делам страны подлинники герои.

Сейчас, когда нашему обществу навязывают чуждые взгляды и чуждые ценности, как никогда мы нуждаемся в проявлении истинного героического начала, которое скрыто в глубине народа, в его духовных хранилищах.

Можно утверждать, что противостояние подлинных героев и антигероев, носителей света и приверженцев тьмы, есть главное направление духовного развития нашей страны и народа в данный период. Пока существует в народе опора для героического начала, народ этот останется народом, хранящим свое духовное и историческое достояние. Исчезновение этого начала приводит к разрушению и гибели самого народа. «Не может человек более печальным образом засвидетельствовать свое собственное ничтожество, как высказывая неверие в великого человека»⁵².

Вот почему тогда, в 1989 году, когда никто из нас и не подозревал, что нас ждет впереди, мудрец и мыслитель — Святослав Николаевич Рерих пронизательно сказал: «Нужны герои».

«Нужны герои» — вот главный смысл очерков Николая Константиновича Рериха. Представленный читателю сборник его очерков лишний раз убеждает нас в необходимости героического, созидательного и спасительного начала. Когда надвигается тьма, только неугасимый свет героев может ее победить и рассеять.

Будем помнить об этом.

1. Мифы народов мира. М., 1982, т. II, стр. 666.
2. Т. Карлейль. Теперь и прежде. М., 1994, стр. 31.
3. Мир Огненный, III, §49.
4. Там же, III, §315.
5. Т. Карлейль. Теперь и прежде, стр. 127.
6. АУМ, § 24.
7. Знаки Агаи Йоги, §261.
8. Листы Сада Мории, книга вторая, часть 3, VI, § 14.
9. Мир Огненный, I, § 271.
10. Мир Огненный, III, § 428.
11. Т. Карлейль. Теперь и прежде, стр. 14.
12. Там же, стр. 329.
13. Н.К.Рерих. Душа народов. М., МЦР, 1995, стр. 55-56.
14. Т. Карлейль. Теперь и прежде, стр. 67.
15. Т. Карлейль. Теперь и прежде, стр. 139.
16. Мир Огненный, I, § 639.

17. Т. Карлейль. Теперь и прежде, стр. 330.
18. Там же, стр. 48.
19. А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. II. М., 1950, стр. 340.
20. Листы Сада Мории, книга вторая, часть третья, V, § 2.
21. Н.К. Рерих. Душа народов, стр. 45.
22. Т. Карлейль. Теперь и прежде, стр. 6.
23. Там же, стр. 15.
24. Н.К. Рерих. Душа народов, стр. 53.
25. Мир Огненный, III, § 42.
26. Т. Карлейль. Теперь и прежде, стр. 338.
27. Н.К. Рерих. Душа народов, стр. 59.
28. Т. Карлейль. Теперь и прежде, стр. 38.
29. Н.К. Рерих, Душа народов, стр. 46.
30. Н.К. Рерих. Душа народов, стр. 75.
31. Там же, стр. 77.
32. Там же, стр. 75.
33. Н.К. Рерих. Душа народов, стр. 58.
34. Д. Мережковский. Жанна д'Арк. Берлин, «Петрополис», 1938, стр. 60-61.
35. Д. Мережковский. Жанна д'Арк, стр. 62—63.
36. Там же, стр. 24.
37. Д. Мережковский. Жанна д'Арк, стр. 119.
38. Там же, стр. 145.
39. Там же.
40. Д. Мережковский. Жанна д'Арк, стр. 151-152.
41. Там же, стр. 28-29.
42. Там же, стр. 29.
43. Д. Мережковский. Жанна д'Арк, стр. 29.
44. Там же, стр. 29-30.
45. Письмо Е. И. Рерих З. Г. Фосдик от 28.06.48.
46. Письмо Е. И. Рерих З. Г. Фосдик от 12.10.49.
47. Письмо Е. И. Рерих от 11.04.34.
48. Т. Карлейль. Теперь и прежде, стр. 15.
49. Там же, стр. 329.
50. Там же, стр. 17.
51. Т. Карлейль. Теперь и прежде, стр. 96.
52. Т. Карлейль. Теперь и прежде, стр. 16.

I. ОГНИ ИСПЫТАНИЯ

«Жизнь героя ведет человечество.
Как исток вдохновений, как мера
прекрасного, как побудитель мужества,
— так звучит голос истинного героизма».
Н. К. Рерих. «Светлой памяти
Короля Александра»

«Истинный герой есть и защитник Культуры».
Н. К. Рерих. «Сберегите»

СВЯЩЕННЫЕ ЗНАКИ

Мы не знаем. Но они знают.
Камни знают. Даже знают
деревья. И помнят.
Помнят, кто назвал горы
и реки. Кто сложил бывшие
города. Кто имя дал
незапамятным странам.
Неведомые нам слова.
Все они полны смысла.
Все полно подвигов. Везде
герои прошли. «Знать» — сладкое слово.
«Помнить» — страшное слово. Знать и
помнить. Помнить и знать.
Значит — верить.
Летали воздушные корабли.
Лился жидкий огонь. Сверкала
искра жизни и смерти.
Силою духа возносились
каменные глыбы. Ковался
чудесный клинок. Берегли
письмена мудрые тайны.
И вновь явно все. Все ново.
Сказка — предание сделалось
жизнью. И мы опять живем.
И опять изменимся. И опять
прикоснемся к земле.
Великое «сегодня» потускнеет
завтра. Но выступят
священные знаки. Тогда,
когда нужно. Их не заметят.
Кто знает? Но они жизнь
построят. Где же
священные знаки?

1915 г.

ЗОВ РОЛАНДА

Трубят сам Роланд. Рыцарь наилучший. Значит, час зова настал.

В стене Рокемадуры вонзен меч Роланда. Никто не будет настаивать на его подлинности. Почему он так сохранился? Кто приковал к нему цепь? Когда он воткнут между камнями старой стены? Все эти вопросы не нужны.

Важно, что существует меч Роланда. Глядя на старый символ, так украсивший древнюю стену, каждый вспомнит, что имя меча — Дюрандаль. Каждый еще раз переживает последний героический бой соратника Карла Великого.

Вспомнится зов рога, когда герой в крайней опасности призвал воинство Франции. На сколько веков прозвучал рог героя. Все, слышавшие о нем, живут все той же мужественной жаждою подвига. Плают от того же пламени. Разве не сказка: «Близ Ронсево были обнаружены 12 скелетов гигантского роста. Сразу же все окрестное население заговорило, что найдены останки Роланда и его сподвижников. К этим скелетам уже стекаются тысячи обитателей окрестных мест. Парижские газеты посылают туда своих специальных корреспондентов. Известный историк Хоза Мана да Хуарте в беседе с журналистами сказал: «Я ничего не могу утверждать, но как не поверить, что это действительно останки двенадцати пэров Карла Великого. Все скелеты искалечены, некоторые обезглавлены, у некоторых отрезаны руки. Естественно предположить, что это скелеты воинов. Черепа найдены под стеной, которая сооружена в XII веке. Следовательно, скелеты были погребены здесь до сооружения стены, т.е. до XII века».

«A noctis phantasmatis libera nos, Domine!» — молятся в очаровании цветных стекол соборов. Просят освободить от ночных призраков. Молят отвести всякий сковывающий ужас. Значит, молят прежде всего о Свете. Свет и звук — два ключа к познанию. Во тьме, хотя бы полной тьмы и не бывало, но все же неопределенностью своею выползут оמוхначенные страшные облики. Темным страхом пытается Миме, испытывая Зигфрида. Но герой среди добытого доспеха находит и рог. Им он вызывает из мрачной пещеры Фафнера, зовом рога он возвещает свои подходы к горе огненной.

Победный, призывный, утверждающий и укрепляющий зов рога, глас трубный проходит по всем путям.

Иерихонские стены распадаются не от барабанов, не от литавр, но от трубных звуков. Каждое войско, каждый поход, каждое устремление к подвигу будет связано с трубным звуком. И барабаны, и литавры, и струны, и трубы имеют каждый свою эпическую историю. Композитор расскажет, почему, желая выразить определенное, он должен был призвать именно тот, а не иной звук; само качество звука имеет такое незаметное касание к определенным центрам. Следовало бы еще углубить исследование воздействий разных звуков. Целительные свойства музыки давно известны. Известно, что мудрые правители во время каких-либо несогласных бурных собраний приказывали помощь музыки. Теперь и в различных лечебницах и музыка, и картины уже являются обычным атрибутом. Существует любопытная сказка о происхождении и назначении самоцветных камней. Так же замечательны легенды о золотой арфе или звучаниях статуй и гор.

В горах нередко слышатся созвучия как бы целых симфоний. Отсюда произошли и названия многих горных местностей, связанные с понятием звука. Народы знают, что герой трубят. Пораженный, убегающий противник не трубят бодро. Сказания о трубном звуке отмечены у всех народов. Герой, собирающийся на подвиг, спрашивает о звучном роге. Турнир возвещается не арфами, но трубами герольдов.

Можно бы написать очерки истории народов с эпиграфами звучания и цвета. Эти определения были бы для многих показательны, ведь не только музыканты и художники, но каждое звучащее сердце понимает задание ключа. Тот, кто говорит о гармонии, тот непременно и мыслит в каждом случае в определенном ключе. Тогда звук является зовущим приказом, но нередко он как бы отзвучит от смятения жизни. Среди так называемых модернистов часто и в звуке, и в форме трепещет смятение и спешит нагромождение. Как бы

отзвучит современность во всей ее условной нагроможденности.

Нота природы древних китайцев, пожалуй, кому-то покажется пресной на улице, загроможденной однодневными рекламами. Очень часто люди боятся быть заподозренными в недостаточной современности. Даже предлагают избегать ознакомления с прекраснейшими образцами древней философии и литературы. А между тем во множестве героических образов, донесенных к нашим временам из глубокой древности, звучит неувядающая живая сила, нужная во всех построениях жизни.

Когда знакомитесь с новейшими предполагаемыми государственными и общественными устройствами, то в основе их все-таки будет призыв к сотрудничеству, взаимному доверию, доброжелательству и к самоотвержению и героизму. Без этих начал, без основ дружелюбия, какое же возможно построение? Как ужасно мимолетно будет все построенное на ненависти и подозрении! Во лжи зарождаемое во лжи и погибнет.

Когда же молодое поколение вспомнит о героизме, оно захочет возобновить в памяти все те мужественные призывы о подвигах, которые запечатали народы в лучших своих вдохновениях. И тогда опять люди вспомнят о зовах Роланда и о многих зовах, призывах, приказах, которые самоотверженно звучали на общее благо.

Не успел умолкнуть рог Роланда, как народное воображение уже укрепляется и другими героями, великими в бое и в самопожертвовании. «Ожье Датчанин», «Фьер-а-Брас», «Аспремон», «Взятие Каркассоны» — все напоминает о мужестве водителей Шарлеманя.

И местные бароны отзвучали в рогах и трубах народной поэзии: «Эгремон», «Руссильон», «Доон де Майанс» — все в борениях, в подвигах. А затем «Ланселот», «Персиваль», «Мерлин», «Тристан» — одни имена этого эпоса звучат в мировом объеме, громко разнесенные труверами, трубадурами. Кто не слышал этих имен? В каких странах не звучали песни славы?

Пирам поет:

«Короли, князья, весь их двор,
Графы, бароны окольные,
Любят сказания, песни и басни.
Они отгоняют черные мысли,
Заставят забыть тревогу и скорбь».

Герои будут утверждены. Кельты хранят память о цикле Артура, о борьбе с великанами, драконами, волшебниками. Песнь о Святом Граале возносит подвиг служения человечеству на священную вершину.

Все зовы. Разные наречия, разные слова, разные обращения и утверждения, а зовы все те же. Зовы подвига.

29 января 1935 г.

Пекин

Н.К. Рерих. Листы дневника, том I.

М., МЦР, 1995

МЕЧ ГЕСЭР-ХАНА

(Лахуль)

Подают воду в жестяной чашечке. Еще живет эта чашечка, а ведь она прошла с нами весь Тибет, и Китай, и Монголию. А вот и ягтан, сделанный еще в Кашмире. Выдержал старик всю Азию, на всех перевозных средствах. Надо его поберечь, слишком много он знает. А вот

и знамя бывшей экспедиции — «Майтрейя». С тех пор под разными углами встречались мы с этим понятием. Уже далек тибетский художник, писавший это Знамя. Уже нет ламы Малонова, украсившего Знамя китайскими шелками. И Знамя видело немало. Участвовало и склонило на нашу сторону диких голоков. Удивило и смягчило тибетского губернатора. Било по лбу хотанского амбана и далеко пестрело красками при сооружении субургана в Шарагольчи. Теперь оно в Гималайском Институте, выросшем из экспедиции. Пусть оно охраняет все целебные травы Гималайские, в которых так много лучших решений.

Каждый предмет, прошедший с нами всю Азию, делается необыкновенно милым и незабываемым. Сами трудности пути претворяются в необычные радости, ибо они овеяны просторами, вобравшими в себя столько чудесного прошлого.

Опять гремят бубенцы мулов караванных. Опять крутые всходы горного перевала. Опять встречные путники, каждый из них несущий свою житейскую тайну. Опять рассказы о местных духовных сокровищах, о памятных местах. Опять на скале запечатлен героический меч Гесэр-хана; опять перед нами пещеры и вершины священного паломничества. Вечно бродящие странники тянутся с котомками за плечами. Не только вера, но непреодолимое стремление к житию странному увлекает их по трудным горным тропинкам.

Мы едем в Лахуль. Опять продолжение экспедиции. Как будто так же, как бывало. С той разницею, что там никакая почта, никакие сведения из здешнего мира по долгим месяцам нас не достигали. Но здесь мы еще на границе последних почтовых бегунов, и смятение мира может стучаться к нам каждую неделю. Но за перевалом Ротангом уже повеял сухой тибетский воздух. Тот самый воздух, целительный и вдохновляющий. Звавший к себе всех искателей духовного восхождения. Ночью же по ясному небу с бесчисленными звездами, со всеми млечными путями и зарожденными и сконченными телами, полыхали странные зарницы. Не зарницы это, но то самое замечательное Гималайское свечение, о котором уже не раз поминалось в литературе.

Пройдя Тибет и Ладак, можно оценить и Лахуль. Снеговые пики, цветочные травы, пахучий можжевельник, яркий шиповник не хуже лучших долин Тибета. Многие святыни, ступы, пещеры отшельников не уступят Ладаку. На скалах тоже ритуальные фигуры лучников, догоняющих стрелою круторогих горных баранов. А ведь древний айбеко был символом света! Те же погребения в могилах, уставленных камнями, и в каменных склепах-камерах. Над Кейлангом раскинулась мощная гора Колокола — «Духовного отдохновения», со своею священою триглавою вершиною, подобно норбу-ринпоче.

Сколько здесь медицинских книг и записей, хранимых ламами. Местный знаменитый лама-лекарь уже ходит для нас с мальчиком кули и, подобно Пантелеймону Целителю, наполняет длинную заплечную корзину травами и корнями. Хорошо, что Юрий так хорошо знает тибетский язык; хорошо, что с нами лама Мингиюр, столько знающий по тибетской литературе. За первые же дни к нам принесли несколько сочинений, еще никогда не переведенных. Среди них и медицинские записи, и поэтическое описание местных святынь. Кругом все насыщено именами знаменитыми, тут и пещеры Миларепы, слушавшего на заре голоса дэв, тут был и Падма Самбхава и Джава Гузампа, и все главы учения нуждались в незаменимом сиянии Гималаев.

Тут недалеко и водопад Палден Лхамо; сама природа начертала на скале изваяние грозной богини, скачущей на любимом муле. «Видите, как мул поднял голову и правую ногу. Рассмотрите, как ясно видна голова богини». Видим, видим! И слушаем неумолчную песнь горной струи. Проходим пещеры и скалы нагов — там живут особые змеи. Изумляемся древнему замку Такуров Гундлы. С изумлением видим, что некоторые островерхие крыши балконов опять напоминают Норвегию. Поучительно наблюдать плоские крыши, непременно наследие древней Азии, и эти острые неожиданные завершения, напоминающие север.

Незабываем прием, устроенный нам в Кейланге, столице Лахуля. Увешанные цветочными гирляндами, предшествуемые трубами и барабанами, въезжали мы в Кейланг.

При въезде нас ожидало неожиданное и трогательное зрелище. На крыше выстроились

ламы в пурпурных высоких тиарах с гигантскими трубами. С плоских крыш сыпались желтые и красные лепестки шиповника. Толпа теснилась в праздничных нарядах. Дети школы, выстроенные шпалерами, по знаку вазира области кричали приветствия. А на арках и домах цветились плакаты с трогательными приветствиями. Подходя в нарастающей процессии к летнему помещению нашего Гималайского Института, мы были встречены еще дамскими трубами, а дочь соседа Ану, в бирюзовом высоком кокошнике, поднесла священное молоко яка. Так Кейланг, затерянный в снеговых горах, хотел выразить свою сердечность.

Не только новые находки сразу нахлынули, но и удалось увидеть редкую ламскую мистерию «Разбитие камня». Группа странствующих лам из Спити на нашем дворе дала эту необычную, еще не изданную мистерию. Юрий даст точный перевод ее в журнал Института.

Началось с того, что ламы притащили с холма огромный, более полутора ярда камень, с трудом под силу двум людям. Установили походный алтарь и в длинном ряде ритуальных танцев, пения и молитв изобразили разрушение злых сил.

Было и прокалывание щек. Был очень замечательный танец мечей с опрокидыванием на острия. Нужно отдать справедливость, что эта процедура требовала действительно большого навыка, ибо иначе два меча, упертые в живот, могли очень легко пронзить внутренности. Среди этих драматических эпизодов, как полагается, вставлялась и полшутливая интермедия. В ней под видом пастуха являлся властитель дикой страны, при этом шел вызывающий смех присутствующих диалог о невидимых сокровищах этого властителя. Но к концу мистерии все шутливые элементы замолкли, и можно было заметить более сосредоточенное внутреннее приготовление. Кончились эти заклинания и приготовления тем, что один из лам лег на землю и двое других с усилием подняли приготовленный огромный камень, положили ему его на живот. В то время старый лама, тот, который прокалывал щеки и падал на мечи, подняв высоко круглый булыжник, величиною не менее двух человеческих голов, бросил с силою этот камень на камень, лежавший на животе ламы, и снова с той же силою бросил. При этом вторичном ударе длинный камень, к изумлению присутствующих, с треском распался на две части, освободив лежавшего ламу. Таким образом, тяжкий материальный мир был побежден, злые силы были сокрушены, и мистерия закончилась веселым хороводом и пением лам под аккомпанемент тибетской расписной балалайки. Предварительную сцену перед наложением камня Эстер Лихтман успела снять, но надо сознаться, что в момент раскалывания камня на животе ламы все присутствующие забыли о фотографии и только глубоко вздохнули. Конечно, тяжести формы этой необычной мистерии о победе над низкоматериальным миром, но ведь не менее тяжести и действительно общежитейские материальные формы. Также не забудем, что на разбиваемом камне был изображен углем и мелом человек, телесную сущность которого в предварительном ритуальном танце ламы прокалывали магическими кинжалами пурба.

К нам ходит лама из Колонга. Юрий и лама Мингиюр записывают местные напевы, а Эстер Лихтман запишет музыкальный лад. Ходим смотреть старинные изображения на камнях. При этом еще раз убеждаемся, что чортены, прибавленные к старым изображениям охотников и нагорных баранов, являются более новыми дополнениями. Как и раньше думалось, эти круторогие священные бараны — символы света, и искатели их, неутомимые лучники, являются символами гораздо более удаленных культов. Здесь мы опять прикасаемся к необъясненным еще солнечным культам, напоминающим отдаленные зарождения друидизма и огненной свастики.

Опять посещение монастырей. Интересные книги об отшельниках. Опять любование с высоких плоских крыш на необозримые ледники, снеговые пики и глубокие долины с гремящими потоками. Тут и гора «духовного отдохновения», тут и пик М., тут и манящие пути на Ладак и к священному Кайласу.

Танцы лам. Незнающий называет их «чертовыми плясками». «Бросьте эту глупую кличку. Танцы лам имеют глубокое символическое значение». — «А как же рога?» — «Покровители животного царства и повелители стихий имеют этот символ, но не имеют ничего общего с бесами. Скоро и лучи Моисея примете за рога, ох уж это незнание!» Танцы после долгого

ритуала, полного вековых движений, закончились мистерией, посвященной черноголовому ламе, поразившему нечестивого царя Ландарму, жестокого гонителя веры.

Древнее урочище Карга. Остатки старинного укрепления. Чортены, менданги, выложенные камнями с молитвенными надписями. Говорят, здесь же и старинные могилы, но раскопку не ведем, чтобы не войти в контроверзу с археологическим управлением. Главное внимание привлекают многочисленные рисунки на скалах. Опять бараны и лучники. Очень древние. Лама Мингиюр с гордостью зовет к камню, на котором изображение меча. Вот почему задумывалась картина «Меч Гесэр-хана». Где же мы видели эти характерные формы меча-кинжала? Видели их в Минусинске, видели на Кавказе, видели во многих сарматских и кельтских древностях. Все к тем же соображениям, к переселению народов ведет этот меч, так отчетливо запечатленный на древней, веками заполированной коричнево-пурпурной поверхности камня. Знак ли битвы, знак ли мужественного прохождения? Или забытая граница? Победа?

Тут же и легенда о воинах Гесэр-хана, пришедших издалека и осевших здесь. Они же принесли и первую косточку персика. Конечно, это не монголы, дошедшие до Лахуля в семнадцатом веке... Народная память бережет что-то гораздо более древнее и значительное.

А напротив, за рекою, высоко на скале древнейший монастырь края Гандо-Ла, основанный самим Падмою Самбхавою. Древность седьмого-восьмого века. Старые зовущие места.

А вот и старый Пинцог, певец-сказитель саги о Гесэр-хане. Сидит степенно на полу моей мастерской и рассказывает, а затем и поет речитативом стих о великом герое Ладака, Тибета, Китая. Не от шестого ли века сложился этот напев и не от того же ли времени важные жесты певца? Кто может заподозрить в поношенной внешности Пинцога ритмичную плавность жеста и изыскание вариации импровизаций напева? Все отмечено: как собирается герой против врагов, как он раньше похода принимает мудрые советы сестры отца своего, как он готовит оружие... Пинцог мысленно, наглядно и осматривает доспех, и натягивает лук, и точно примечает врага на горах. «А знаете ли вы здесь, что в Каме есть палаты Гесэр-хана, где вместо балок лежат несметные мечи воинства Гесэр-хана?» — «Не только в Каме, но и в Цанге воины Гесэра сложили такой памятник», — вставляет слово примолкший лама. В один раз певцу не сказать всех Гесэра подвигов. Нужно сказать и о мудрой жене героя Бругуме. Нужно не забыть сподвижников и все победы несокрушимого защитника правды. Чего не услышишь в горах в Тибете, в Индии. Газеты только что писали о человеке, плававшем по Джамне, держась за хвост тигра. И это вовсе не сказка.

Доктор индус пишет нам, что рак, это растущее бедствие человечества, совершенно неизвестен на Гималайских высотах.

Из Ташилунпо лама-доктор приносит тибетские лекарства, среди них и средства от рака. Вспоминаем официальные удостоверения успешного лечения рака покойным бурятом доктором Бадмаевым. Лама Мингиюр сообщает о съедобных корнях, находимых в лесах гималайских, обещает достать их. От нашего друга полковника приходят сведения о том, что рабочие капитана Б. всю ночь были тревожимы появившимся великаном, который так напугал их, что они убежали с работы. К этому лама замечает, что и в Сиккиме известны случаи появления подобных великанов, вестников Дхармапалы, посылаемых с предупреждениями или для предотвращения злобных действий. Так разнообразна жизнь.

Вот и дом такура из Колонга, Пратапа Чанда или по-тибетски Санге Дава. Старое здание по образцу тибетских укрепленных дворов. Хозяин и хозяйка встречают у входа. Слуги сверкают серебром и китайскою парчою. Гремят трубы лам. Прежде всего зовут на торжественную службу в домашнюю молельню. Много семейных реликвий. Много отличных танок. Тут и Шамбала, и Ригден-Джапо, и Миларепа, и многие подвижники. Служение идет по буианскому обряду. Затем показываются не только драгоценности, но и книги, и доски для печатания. Это не простой дом: такур — глава края, и в семье много накоплений. Конечно, кончается тибетским чаем и цампою. Тут же завязывается стговор о постройке дома. Говорят: «Честь нам, если великие люди приехали из больших мест в наше малое место».

И опять течет речь об изображениях на скалах, о нечитаемых надписях, о каменных

могилах и о сокрытых книгах священных. Кроме мест в долине Кулу, называется еще место около Трилохната, где, по преданию, скрыты книги во время гонений свирепого Ландармы. Есть на горах и развалины каких-то древних жилищ.

Говорится, что когда пришли воины Гесэр-хана, то старые лахуль-цы ушли на вершины. От белого царя ушла Чудь под землю на Алтае, а жители Лахуля на вершины. В историческом и археологическом отношении край мало исследован. Картина «Менгиры в Гималаях» будет напоминать о менгироподобных камнях, утверждаемых с древнейших времен и до наших дней на горных перевалах. Обычай этот имеет несомненную связь с древними менгирами Тибета, открытыми нашей экспедицией в 1928 г., подобными менгирам Карнака.

Картина «Три меча» пусть изображает древний рисунок на камне вблизи Кейланга, главного города Лахуля. Лахуль в испорченном произношении означает Южный Тибет. Местные изображения на скалах и камнях достойны изучения.

Ладак, Дардистан, Балтистан, Лахуль, Трансгималаи, часть Персии, Южная Сибирь (Иртыш, Минусинск) изобилуют разнообразными, сходными в техническом отношении изображениями, невольно напоминающими скалы Богуслана и изображения остготов и прочих великих переселенцев.

Изображения Ладака, Лахуля и всех Гималайских нагорий распадаются на два главных типа. Тип буддийский, дошедший и до нашего времени в виде изображения свастики (как буддийской, так и обратной, бон-по), льва, коней Гесэр-хана, религиозных надписей, чортенов и прочих предметов культа.

Другой тип изображений, дошедший из времен более древних, в связи с добуддийским бон-по и прочими культами огня, еще более увлекателен по своей загадочности, по своему своеобразному! друидизму, так интересному в связи с изучением великих переселений.

Главный сюжет этих изображений (частью воспроизведенных в трудах д-ра Франке, 1923) — горный козел, являвшийся символом огня. Среди изображений этих по технике можно различить целый ряд наслоений, от древних (сходных со шведскими halistingar) до новейших, доказывающих внутреннее существование какого-то культа.

Кроме горных козлов во всевозможных комбинациях, можно видеть изображения солнца, руки, танцы ритуальных фигур и прочие знаки давнего фольклора. Этот тип изображений с древнейшими традициями дает любопытные изучения.

К прочим изображениям нам удалось прибавить еще два, ранее не указанных. В урочище Карга и около самого Кейланга (Лахуль) найдены нами изображения мечей. Значение этих изображений загадочно, но особенно интересно, что форма их совершенно совпадает с формой бронзовых мечей и кинжалов минусинского сибирского типа, так характерных для первых великих переселенцев. Не будем делать ни предположений, ни тем более выводов, но занесем эту поучительную подробность как еще одну путеводную веху.

Не забудем, что старый католический миссионер сообщал, что место Лхасы называлось Гота.

Развалины древних храмов Кашмира поразительно напоминают основы аланских построений, так расцветшие в формах «романского стиля». Де Ла Валле Пуссен сообщает об иноземцах-строителях храмов Кашмира. При этом Стен Конов указывает на принадлежность Ирилы к племени гаты, что по его заключению означает готы. Все такие знаки очень полезны в теме о великом переселении народов.

Телеграмма из Ле. Экспедиция Института пришла благополучно. В караване ни болезней, ни потерь. Коллекции превосходны. Так и думали, что Ладак не разочарует наших собирателей. Опять предстоят поучительные опыты. Кто же не зажжется чудесами Гималаев?

Откуда же происходит эта необыкновенная заманчивость путей Азиатских? Горы установились не преграждающими великанами, а зовущими путевыми вехами. Из-за вершин сверкает сияние Гималайского снежного царства. Местные люди, те, которые слышали о чем-то, почтительно указывают на эти сияния. Ведь оно сверкает от труда, из самой башни великого Ригден-Джапо, неустанно трудящегося во благо человечества.

А вот и редкое изображение самого Великого Гесэр-хана. Около воителя собраны знаки его перевоплощений и все то памятное, что не должно быть забыто в этой великой эпопее. На ступенях трона стоят тибетские сапоги. Ведь это те самые сапоги-сорокоходы, отмеченные в подвигах Гесэр-хана. Но стоят они близко, это значит, что великий воитель нового мира уже готов к подвигу. Скоро он войдет.

1931 г.

Кейланг

Н.К. Рерих. Твердыня пламенная.
Нью-Йорк, 1932

ЗИГФРИД

В сказаниях о Гесэр-хане можно находить как бы отзвуки Эдды, а временами как бы звучит рог самого Зигфрида. Даже имя жены Гесэр-хана — Бругума невольно напоминает имя Брунгильды.

Сейчас мы не задумываемся, кто именно подслушал или подсказал сходство и подобие, может быть, великие готы подслушали, а может быть, кто-то из еще более древних путников. Сейчас не в том дело. Так же точно мы ведь не знаем, какие именно «друиды» запечатлели в Карнаке те самые каменные сооружения, те самые мегалиты, которые поражают путника и в Тибетских Гималаях. После того, как Алансон имеет связь с древними аланами, мы все меньше и меньше изумляемся старинным движением и аналогиям.

Сейчас хочется записать о том, как часто определенные звуковые и цветные задания относятся именно к определенным местам. Звучит ли рог Зигфрида в Египте? Конечно, не звучит. Звучит ли он в долинах Индии? Конечно, нет. Звучит ли он в Бирме, Сиаме, Китае? Конечно, нет.

Но как только вы вступите в монгольские широкие пространства, то в переливах холмов и оврагов вполне зазвучит рог Зигфрида — друга побед.

В каждой стране напеваются вам и вспоминаются те или другие соответственные мотивы. Нужно быть бесчувственным, чтобы всюду питать свои вибрации одной и той же песнью. Это значило бы, что мы выражали про себя лишь свои настроения, не впитывая ничего из окружающего.

Потому ли вспоминается в горах и холмах Монголии Зигфрид, что Вагнер творил свое «Кольцо» в горах Тироля и Италии, в которых вполне мог звучать рог Зигфрида. Ведь и готы запечатлевали звуки своих побед там же.

Когда вы оказываетесь в местах, звучащих на известные задания, то невольно тот или иной из ваших любимых композиторов оказывается вам наиболее близким. Трудно дать себе отчет, чем именно тот или иной любимый композитор овладевает вашим сознанием. Лежит ли это в самой гармонии его произведений, в характерной тональности или в самих заданиях творчества, или, наконец, в самом характере творца, который неразрывно связан с его произведениями.

Вагнер нам дорог, по-видимому, по всем трем условиям. Несомненно, что и сама личность великого композитора, его жизненная трагедия со всеми и огорчениями и победами не может не захватить сознание. Не то, чтобы мы твердили себе о том, как протекла жизнь Вагнера, какие трудности он преодолевал и какую твердость духа он запечатлел. Мы не вызываем этих обстоятельств насильственно. По-видимому, вся личность Вагнера до того связана с его произведениями, что как само задание, так и сам творец, всегда останутся неразрывными.

Есть композиторы, которые не настолько связали себя со своими произведениями. По-видимому, эти произведения приходили к ним извне. И поэтому иногда при всей красоте в них же все же не было обоснованной повелительности. Можно было чувствовать, что это

произведение могло быть написано, могло где-то быть наслушано, но и без него автор мог увлечься чем-то иным. Не так с Вагнером. Он не мог не написать того, что было рождено в его сущности. В последовательности своих произведений он выражал то, что даже независимо от его рассудочных желаний должно было вылиться полно и властно.

Читая жизнеописание Вагнера, как и во многих других биографиях, мы находим многие случайные подробности его жизни. Но мало где выражена его сущность во всех ее путях и накоплениях, вне зависимости от случайных встреч или расхождений.

Если в готическом соборе звучит даже без органа хорал и фуга Баха, то Вагнеровские концепции преимущественно зазвучат в вас вне всяких строений. Правда, когда вы в Каме слушаете о замке Гесэр-хана, в котором вместо балок положены боевые мечи, вам начинает казаться — не присутствуете ли вы во времена Гунтара и Гегена и не поведут ли между собою речь эти призраки по-тибетски.

Но все же рог Зигфрида зазвучит не в стенах замка. Он зазвучит в широких просторах, и сам герой выедет из-за горы. Он четко выступит на склоне холма и покажется таким большим-пребольшим, как часто кажутся увеличенными предметы в пустынных просторах.

Наверное, некоторые мои друзья удивятся, с чего это Монголия может вызывать память о Вагнере и о Зигфриде. Наверное, кому-то покажется непонятным такое решение. Скажу еще, как некоторые назвали бы, некую ересь. В некоторых песнях монгольских и тибетских, в кларнетах и в огромных трубах монастырей нам тоже звучало нечто от Вагнера. Я убежден, что если бы Вагнеру пришлось послушать трубы тибетских и монгольских монастырей и некоторые песни, то они были бы необыкновенно близки его сознанию. Но ведь и эти трубы, и эти песни требуют прежде всего простора, так же точно, как рог Зигфрида не звучит в запертом подвале.

Помню, как Руднев записал несколько монгольских песен. Из них был сделан марш для финских войск. В скалах Финляндии этот марш звучал очень призывно и благородно. Вот вам и еще одно срастание. Всюду же, где может звучать срастание, а не дребезжать разбитость, всегда вы вспомните о том зовущем и утверждающем роге Зигфрида, победителя змия.

Иногда кажется, что Вагнер следует за преданием. Вот, как будто он уже всецело повторяет его, но несмотря на это «как будто», вы все же видите личность Вагнера, который во всем мужестве и неся на себе всю ответственность, делится со всеми звучанием души своей.

В «Парсифале» Вагнер возносит наполненную Чашу. Как истинный Галахад, он не страшится огненного места и утверждает вопреки всем боязливым и ускользящим. Галахад прямо идет к своему огненному месту. Ничто не страшит его, а ведь призраки были устрашающими. Эти примеры бесстрашия, примеры возношения Чаши Св.Грааля, конечно, останутся на высотах, по пути к которым услышится не однажды рог Зигфрида.

Наш Ванг тоже знает о Гесэр-хане. Он ведь от Куку-нора, а там это сказание всем известно. Много версий гесэриады уже опубликовано, но постоянно вы встречаете новые детали геройской эпопеи. Наверно, в свое время Чингис-хан слышал и вдохновлялся подвигами Гесэра. И многие другие друзья победы — многие Зигфриды почерпали звучность своего рога от подобных же вечных источников.

3 мая 1935 г.
Цаган Куре

Н.К. Рерих. Листы дневника, том 1

ДУША НАРОДОВ

В пене океанских волн каждый неопытный мореход находит хаос и бесформенное нагромождение, но умудренный опытом ясно различает и законный ритм и твердый рисунок нарастания волны. Не то же ли самое и в пене смятения народов? Также было бы недальновидно не различить гигантских волн эволюции. Было бы несправедливо не заметить внутренней законности и трогательных проявлений души народной. В этих проявлениях отражается высшая непреложная справедливость. Поучительно замечать, как народный глаз и народный ум возвращаются к своим героям, в многообразном подвиге которых выражена душа народная.

Герои во время их стремительного подвига и не подозревали, что они являются выразителями стран, выразителями самой ценной конденсированной психологии. Они творили Благо. Они следовали своему непосредственному зову сердца. Иначе они и не могли бы действовать, ибо иначе они не были бы теми самыми героями, память о которых не только живет, но и возносится и углубляется в пронизательности народной. Иногда может показаться, что имя героя, выразителя народной души, затемнено и точно отложено в какие-то дальние хранилища; но не от беззаботности это. Океанская волна тоже имеет свой ритм, и, рассыпавшись великолепным гребнем, она как бы исчезает только для того, чтобы опять набухнуть и кристаллизироваться в новом великолепии.

Америка готовится почтить память Вашингтона. В приготовлениях этих сказывается уже нерв всей страны. Это не просто деятель, которому благодарны современные поколения. Нет, это герой, которого осознала душа народная. Это герой, выразивший смысл строительства Америки. Это герой, давший без блужданий и уклонений то, о чем внутренне мечтало каждое созидательное сердце. Потому приготовление к чествованию памяти Вашингтона сразу примет характер не только национального праздника, но народного торжества.

Когда вы произносите имя Вашингтона и Линкольна, вы произносите сущность Соединенных Штатов Америки. И никто не знает это более твердо, нежели душа народная. Одухотворенное сердце народа отлично знает, где был творящий самоотверженный подвиг. И не в исторической хвале, но в почитании и трепетном, бережливом отношении к именам этих подвижников народ выражает свою непреложную оценку. В суматохе жизни, может быть, опять временно не будут упоминаемы эти великие имена, но как только душа народная почувствует необходимость пищи духовной, она опять неуклонно возвратится к тем, кто вел ее к блестящим строительным достижениям.

Так каждая страна, у сердца своего, бережет имена, ведущие к Свету. Обратимся ли к Франции, мы в самую трогательную минуту встретимся с героическим обликом Жанны д'Арк. Без различия направлений и возрастов, в минуту необходимости народ знает, кто был его выразителем. Так же твердо, как несла Жанна д'Арк подвиг свой, так же неизменно народ бережет ее имя, и в чествовании памяти ее выражается все большая сознательность и почитание. Притом почитание это вовсе не только клерикально. Даже неопытный глаз видит в облике Святой Деятельницы носительницу, выразительницу священного сознания народа. И какая благодетельная героическая мечта снизошла на пастушку овец, подсказав ей о пастырстве над народом целой прекрасной страны!

Пройдем ли мы Италию, из-за высот и твердынь духовных и гражданских властителей Мира, из-за всех великолепных Медичи подымается все тот же несмыслимый, вечно живой и растущий Облик Святого Франциска Ассизского. И никакой народ, никакая толпа не будет разрушать память его, ибо он был выразителем сущности страны. Мятущийся, ищущий дух Италии претворился в Святом Франциске в прекрасном апофеозе. Что бы ни случилось, куда бы ни повернула народная тропа, дух Святого Франциска останется живым. Сердце народное в самой удаленной хижине, в самых трудах улыбнется, сознавая, что сам Святой Франциск предстает о нем на судьбище всемирном.

Как бы ни болело сердце русское, где бы ни искало оно решение правды, но имя Святого

Сергия Радонежского всегда останется тем прибежищем, на которое опирается душа народа. Будет ли это великое Имя в соборе, будет ли оно в музее, будет ли оно в книгохранилище, оно неизменно пребудет в глубинах души народной. Опять далеко за пределами церковного подвига строительное и просветительное имя Святого Сергия хранится в сердцах как драгоценнейший Ковчег духа. Хранится оно как прибежище народного сознания в трудные минуты мировых перепутий. Не затемнится в существе своем Имя Святого Сергия, не затемнится во множестве других имен — сокровище души народной, от древних и до многих современных. Тогда, когда нужно, народ опять обращается к выразителю своей сущности.

Среди множества славных имен Египта народ не забывает память славной Хатшепсут, обновительницы традиций, насадительницы просвещения и созидательницы. Среди тысячелетних сменявшихся династий народ умеет взять неоспоримое по достоинству имя и когда нужно обратиться к нему, как к реликвии всеобновляющей и укрепляющей.

Не смешает со множеством славных имен народ Индии имя Акбара, собирателя, творца счастливой народной жизни. Народ не забывает и не припишет никаким умаляющим побуждениям широкие мысли великого объединителя Индии. В храмах индусских имеются изображения Акбара, несмотря на то, что он был мусульманин. Вокруг головы императора изображается сияние, что вовсе всегда является просто властителем, но сознание народное отлично понимает, что он был выразителем души народной. Так же как и многие священные в памяти имена, он собирал и сражался вовсе не для личной ненасытности, но творя новую страницу великой истории.

Вспомним ли мы о дальнем Тибете, строение государства свяжется с именем великого Далай-ламы Пятого. Где бы ни блуждало сознание тибетское, в существе своем оно хранит это имя создателя Поталы и тибетской государственности, хранит его как истинный оплот сердца своего. Целый ряд был далай-лам, но народ бережет имя строителя, собирателя, созидателя. В этом сказывается неуклонный суд народной души.

За пределами целого ряда китайских императоров, разве не судим мы Китай по Лао-цзы и Конфуцию?

Ведь не по торговле греческой воссоздаем мы достоинство матери классических стран, но по Аристотелю, Пифагору, Платону, по Фидию, по Сократу.

Что бы ни случилось с Германией, она твердо знает великих своих выразителей: Гете, Шиллера, Дюрера, Вагнера и тех, кому не изменит душа народная, что бы ни случилось.

И не должны ли мы судить Англию по Шекспиру? И не можем ли мы утверждать значение Скандинавии по устремленности викингов? И среди великих искателей, созидателей не забудем, что душа монгольская всегда бережет у сердца своего образ Чингиза. Не говорит ли этим Монголия, так хранящая облик героя, о своем потенциале к восхождению.

И разве великое имя царя Соломона не является символом целой огромнейшей психологии? И разве сердце каждого еврея не бережет в лучшем тайнике своем это несокрушимое, созидательное, громоносное имя? Уже не говоря о тех Великих Именах Высших Носителей Света, вышедших из сокровенной, священной колыбели Азии.

Ясно, что можно нескончаемо приводить неоспоримые примеры из стран и великих и малых о безошибочном суде души народной. В этих воспоминаниях составит блестящий ряд выразителей стран, выразителей эпох и духа человеческого. Разнообразны будут эти выразители и по времени и по положению своему, по окружающим их обстоятельствам, но какая-то неоспоримая планетарная ценность выявляется при отборе этих строительных прекрасных имен-понятий. Эти имена, они уже вышли за пределы личности, они уже стали синтетическими мировыми понятиями. Их вовсе не мало, и хранилище планеты, сокровищница творящего подвига, поистине прекрасна. Всеобъемлемостью своею, широтою своею выразители стран, народов, как белоснежные вершины Гималайские, в лучах света посылают друг другу привет, ничем не заслоненный. В дни празднеств Культуры все эти выразители лучших народных стремлений, запечатлевшие их и трудом и подвигом, претерпевшие и не уклонившиеся будут тем истинным украшением планеты и прибежищем сердца народного, когда оно и болит и тоскует по правде. Не они ли, эти выразители народов,

помогут претворить тоску и боль поисков в праздник подвига?

На празднике Культуры, среди чертога Знания и Красоты, среди длинных столов трапезы духовной, увидим мы стол светлый, светом осиянный. Откуда же сверкание это? Где же светлые гости престола сего? Может быть, уже снизошли они. Быть может, глаз наш затемненный не разглядит их, не вынеся сияния Света нездешнего. Но не будет сиять даже лучший престол, если пуст он. Если сияет, значит, Они уже там. Не разглядеть, не сопоставить Их, но можно осознать Их в сердце, ибо что не вместит оно, сердце человеческое? Светом сердца сияют светлые гости Культуры.

1932 г.

Н.К. Рерих. Твердыня пламенная

ПОДВИГ

Оксфордский словарь узаконил некоторые русские слова, принятые теперь в мире: например, слова «Указ» и «Совет» упомянуты в этом словаре. Следовало добавить еще одно слово — непере译имое, многозначительное русское слово «Подвиг».

Как это ни странно, но ни один европейский язык не имеет, слова хотя бы приблизительного значения. Говорят, что на тибетском языке имеется подобное выражение, и возможно, что среди шестидесяти тысяч китайских иероглифов найдется что-нибудь подобное, но европейские языки не имеют равнозначного этому древнему, характерному русскому выражению.

Героизм, возвещаемый трубными звуками, не в состоянии передать бессмертную, всезавершающую мысль, вложенную в русское слово «подвиг». «Героический поступок» — это не совсем то; «доблесть» — его не исчерпывает; «самоотречение» — опять-таки не то; «усовершенствование» — не достигает цели; «достижение» — имеет совсем другое значение, потому что подразумевает некое завершение, между тем как «подвиг» безграничен.

Соберите из разных языков ряд слов, означающих лучшие идеи продвижения, и ни одно из них не будет эквивалентно сжато, но точному русскому термину «подвиг». И как прекрасно это слово: оно означает больше, чем движение вперед, — это «подвиг»!

Бесконечная и неустанная работа на общее благо имеет результатом громадный прогресс — это и дало России ее великопепных героев. Великие дела совершаются без шума, они скромно творятся на пользу человечества.

Подвиг создает и накапливает добро, делает жизнь лучше, развивает гуманность. Неудивительно, что русский народ создал эту светлую, эту возвышенную концепцию. Человек подвига берет на себя тяжкую ношу и несет ее добровольно. В этой готовности нет и тени эгоизма, есть только любовь к своему ближнему, ради которого герой сражается на всех тернистых путях. Он стойкий работник, он знает цену труду, он чувствует красоту действия в пылу труда, он готов приветствовать каждого помощника. Ласковость, дружелюбие, помощь угнетенному — вот характерные черты героя.

Подвиг не только можно обнаружить у вождей нации. Множество героев есть повсюду. Все они трудятся, все они вечно учатся и двигают вперед истинную культуру.

«Подвиг» означает движение, проворство, терпение и знание, знание, знание. И если иностранные словари содержат слова «Указ» и «Совет», то они обязательно должны включить лучшее русское слово «Подвиг».

Волнением весь расцвеченный,
мальчик принес весть благовую.

О том, что пойдут все на гору.

О сдвиге народа велели сказать.

Добрая весть, но, мой милый

маленький вестник, скорей
слово одно замени.
Когда ты дальше пойдешь,
ты назовешь твою светлую
новость не сдвигом,
но скажешь ты:
«Подвиг!»

1942 г.

Н.К. Рерих. Зажигайте сердца, М., 1975

СЛАВНОЙ ЕРМАКА ГОДОВЩИНЕ!

**ВСЕМ СИБИРСКИМ ДРУЗЬЯМ!
ВСЕМ СЫНАМ СИБИРИ
СЕРДЕЧНЫЙ ПРИВЕТ!**

Когда в последний раз плыли мы по быстринам Иртыша, сказал нам рабочий гранильщик: «Вот здесь потонул наш Ермак Тимофеевич. То есть не он утонул, но тяжел был доспех и унес вниз нашего богатыря». В глазах сибиряка не потонул Ермак. Не мог утонуть богатырь.

И не только слава Ермака жива, но жив и он сам в сознании Сибири. В Кырлыке, на пути к Уймону, шаман толковал о добром Ойроте, вестнике Белого Бурхана. Появляется Ойрот на белом коне и возвещает: «Саин Галабынь судур!» — знак доброй эры! Но старик старовер улыбнулся: «И вовсе это не Ойрот, а Ермак Тимофеевич одобряет край наш. Это он Камень бережет».

Камень! И вся страна — камень великий, адамант драгоценный! Будет ли он Тигерец? Или Котанда? Или Ак-кем? Или Кара-гай? Или Студёнец? Все-таки камень.

И древняя мудрость перенесла в Сибирь — драгоценные горы Сумир, Субур, Сумбир, Сумеру. Там «кузнец кует судьбу человеческую на серебряных горах». Белы снега и бело серебро самой Белухи-матери. И разноцветны травы превыше всадника. И звучит все Беловодьем. Истинно Звенигород. Да будет!

«Между Иртышом и Аргуною. Через Гобь, через озера соленые. Через Кокуши. Через Боготорше, по самому Ергору едет всадник».

Не малы пути сибирские. Велика их мечта. Велико им сужденное. Страна Белого Бурхана, страна доброго Ойрота. Страна Шамбатюна. Страна Чуди подземной. Страна кузнецов Курумчинских, ковавших коней всех великих путников от восхода и на закат.

Можно ли помянуть Ермака Тимофеевича, не вспомнив о Сибири самой? Размахом путей сибирских измеряется и путь Ермака, претворившего сказание в жизнь.

И знамя Ермака в Омском соборе, конечно, несет на себе лик Св.Георгия. На том же белом коне, в бессменном доспехе ратном Святой воитель провел Ермака по многим стремнинам, сделав нечаянное возможным.

Странно бы говорить о всемирном значении Сибири. Оно известно всем школьникам. Иноземцы, разглядывая карту Сибири, лишь спрашивают, а верны ли промеры? Так озадачивает сибирская беспредельность! Говорить еще о камнях-самоцветах, о рудах и открытых, и еще неизведанных, писанных и неписанных? Сказать ли о лесах, о скотоводстве, о промыслах, о земле? Называть ли великие числа и меры, которые все же не ответят действительности?

Сегодня позволительно не вычислять, не умствовать, не расчленять земными мерами, но повелительно праздновать годовщину Ермака. Повелительно отставить все разделения и сойтись в память великого духа, не убоявшегося, не размельчившего, но давшего нам зов

великий и созидательно призывающий.

Как колокола Звенигорода, как святыни Китежские зовут и очищают, и велят идти к преуспеванию, так же пусть и этот день свидетельствует о клятве строительства доброго. Не можем сегодня же не помянуть и Святого Хранителя всех твердынь Китежских, всех Лавр Духа преподобного Св.Сергия. Сама необъятность сибирская приближает сегодня всех борцов подвига, просвещения и мужества несломимого.

Будем праздновать день Ермака. Радостно вспомним, что во всех просторах сибирских это имя, как стяг, звучит неутомимою бодростью. Радость суждена не часто. Многое пытается затемнить сужденные просторы. Не всякий доспех годился и могучим плечам Ермака. Но он нашел по себе и меч, и куяк, и бахтерец, ибо хотел найти. Сердце указало Ермаку путь, ибо сердце знает пути начертанные.

Разве случайно сроки напоминают нам имя Ермака? Разве этим именем не дается еще мера строительству и всем подвигам-поискам Блага? Ведь для укрепления духовного посылаются знаки, лишь слепым невидимые.

Если бы сегодня мы прозрели во благе сотрудничества, разве это не был бы истинный праздник? И разве среди потоков слез нельзя было бы возрадоваться подвигу?

Не открывать Ермака, не открывать Сибирь, нельзя открыть открытое, но для праздника сошлись мы сегодня. Пусть этот мощный праздник наполнит все молодые сердца трепетом подвига, горением строительства и клятвой сотрудничества. Хотя бы в праздничные памятные дни будем вспоминать о дружелюбии, о труде совместном.

Сейчас, когда мировые трудности прежде всего обрушиваются на культуру, на все просветительные возможности, найдем же в сердце своем силы побыть вместе, побыть дружно и помыслить о великом, о славном. Переполнилась мера разделений; просторы сибирские напоминают о непочатости труда. Когда же и вспомнить о труде непочатом, как не в праздник, дающий нам советы строительства.

Мой покойный дядя, профессор Томского университета Коркунов, еще в детстве моем звал меня постоянно на Алтай. «Лучше приезжай скорей, — писал он, — все равно на Алтае побывать придется». Действительно так!

Затем в 1919 году молва похоронила меня в Сибири, и служба в Иркутском соборе была отслужена. Даже так необычно влечет к себе Сибирь Великая.

Хотелось бы быть с Вами сегодня. Хотелось бы говорить о стяге Ермака, о Беловодии, о Белухе, о самом Ергоре. Но из Азии шлю Вам, всем друзьям, мои лучшие приветы. О снеговых вершинах Белухи свидетельствуют снега Гималаев. Кукушка отсчитывает сроки. Дятел твердит о неустанности. А Сафет — белый конь — напоминает о конях Ойрота, и Ермака, и самого Св.Егория. Празднуем сегодня со всеми Вами и бьем челом на сотрудничестве. Велик был поклон Ермака всею Сибирью. Велик был заклад, велик и подвиг. Праздник, славный праздник сегодня.

1932 г.

Гималаи

Н.К. Рерих. Твердыня пламенная

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ КОРОЛЯ АЛЕКСАНДРА

Жизнь героя ведет человечество. Как исток вдохновений, как мера прекрасного, как побудитель мужества, — так звучит голос истинного героизма. Кто же скажет, что этот светлый зов не звучал во всю жизнь Короля Александра? Кто же не почерпал вдохновения к добру, узнав, как бесстрашно и мужественно боролся король-рыцарь за Родину, за Всеславянство, за дорогую ему Русь, за добро и строение!

Народ его должен был справедливо гордиться именем Монарха, Воина и Строителя, и

Покровителя знания и искусства. Среди всех трудов своих Король всячески заботился о народном просвещении. Еще недавно он отдал дворец свой под музей. Еще недавно он звал к изысканиям науки и поощрял исследования древних наследий своего народа.

Как бы люди ни горевали о потере его, все же еще недостаточно можно оценить незаменимую утрату. Невозможно представить себе все те необыкновенные сочетания, вместилившиеся в личность Короля Александра. Дух его закалялся в горниле неповторенных мировых трагедий. Он вел героическое войско, с которым разделял трудности войны и похода. Он самоотверженно принял на себя все бремя государственной ответственности. Когда стране угрожало разделение — именно он принял на себя всю тяжесть единоличных обязанностей. Он находил светлое строительное слово и во дворце, и в хижине. Он всегда помнил о России в самых прекрасных и трогательных выражениях. Он не только хотел добра, но и творил его на всех путях своих. Как отец народа, он ходил среди народа, и от молодости он был героем. Под этим редким величественным знаком прошел он свой путь земной. Много слез проливается о Короле-Герое, много сердец трепещут в сознании, что среди нас, среди тьмы и смущений проходил этот светлый вождь. И содрогается сердце от того, что не уберегли его. Когда что-то еще не ушло, тогда люди думают об этом легко, но когда переступается невозвратимая грань, то со всей болью мы можем лишь твердить о том, что не уберегли такое светлое явление.

Не только для своего народа он будет самым светлым, незатемненным воспоминанием. И в былинах и в звучных песнях сохранится память о Герое-Рыцаре. Не менее нестираемо будет жить имя Короля Александра и в сердцах русских. Память о нем будет новым крепким залогом славянского единения. Пусть не думают те, которым такое единение не по сердцу, что с телесным уходом кончается и духовное воздействие. Наоборот, духовная связь и укрепляется духом. И потому память о короле Александре всегда будет живым залогом славянских взаимопониманий. Как бы ни были удалены на разных материках сердца славянских народов, в них всегда пробуждается несказуемая искра единства, и при встрече самые незнакомые люди, узнавая взаимное славянство, просветленно говорят друг другу: «Брат!»

Беда случилась в славянстве: Герой славянства ушел. Но звучит его постоянный светлый завет, что без одной славянской страны не будет и другая. Молодежь будет помнить, как свято покойный Король хранил заветы славянства, как он почитал знание и красоту и как он строил в великом труде.

Вместе с простой почтой приносили незаказное небольшое письмо, где говорилось: «Король Александр пишет». Так просто, так человечно и так глубоко просвещенно заботился Король и находил время, чтобы лично оповестить, пригласить или предложить посетить святыни Югославии. Помню, как загорался президент Югославской Академии Мануйлович, как только начинал говорить о Короле Александре. А сенатор Мажуранич или старый дипломат Спалайкович, или славный ваятель Югославии Местрович и многие разные по характерам люди, всегда одинаково вспыхивали они, говоря о Короле Александре, о его словах, о его решениях и ободрениях.

Темная рука злодея нарушила славный путь Строителя. Злая воля еще раз вторгнулась в дела Света. Каждый героический облик напоминает людям о том, что среди обыденной жизни нашей возможны славные дела. Думаю о прекрасном жизненном подвиге Короля Александра, пусть еще раз помыслим все мы о единении, о том взаимном доверии и сотрудничестве, которое позволяет нам охранить истинные духовные ценности. Будут стоять памятники Королю Александру. И не холодный металл, но горячее сердце героя будет светить человечеству надолго. Будут посвящены Королю Александру многие книги, полные трогательности и величественности фактов и воспоминаний. И старое и молодое поколение глубоко почувствуют неугасаемую близость этого прекрасного и величественного духа.

Благословенны светлые герои!

12 октября 1934 г.
Харбин, Маньчжу- Ди-Го

Н.К. Рерих. Священный Дозор,
Харбин, 1934

КОРОЛЬ АЛЬБЕРТ

Новое сообщение из Бельгии. Король Леопольд прислал приветствие нашему Учреждению в Брюгге и разрешил именовать его «В память Альберта I, короля бельгийцев». Это наименование как нельзя более соответствует моим помыслам. С самого начала оформления нашего Пакта память о героической Бельгии и ее короле-рыцаре постоянно была и в мыслях, и в упоминаниях.

Имя короля Альберта, весь его творческий подвиг во благо своей страны, его военное геройство, его широкие взгляды и глубокое доброжелательство всегда были для меня драгоценными. Поистине радостно и в наши смущенные времена иметь перед собою такой ясный облик героя-рыцаря без страха и упрека, блестяще прошедшего всю свою жизнь в неустанных трудах к процветанию народа.

Знаменательно, когда культурное, просветительное учреждение имеет такое прямое основание быть навсегда связанным с именем славного героя. Король Альберт находил время вникать в самые разнообразные нужды народного строительства. При всей своей огромной работе он всегда имел время заслушать и выразиться обо всем достойном.

В архивах нашего Учреждения в Брюгге имеется вещественное доказательство благожелательства покойного короля к нашему Пакту. Председатель Тюльпинк справедливо поминает это обстоятельство в своем приветствии ко дню третьей международной конвенции в Вашингтоне. Вместе с нашим Бельгийским Комитетом во всей радости сердца мы сливаемся в почитании незабвенного имени короля Альберта. Одушевляемся тем, что на щите Учреждения будет это достойнейшее, незабвенное имя.

Государства должны иметь полную возможность к тому, чтобы на щитах их учреждений, посвященных Культуре, были бы запечатлены имена их государей, их вождей, их глав, ведших народ по трудному и благому пути истинного преуспевания. Счастливы те государства, которые в полной справедливости могут это сделать. Там, где по справедливости во главе всего может стоять имя главы, короля, вождя на всех путях жизни, там образуется импульс к следованию в грядущее.

Весть о безвременной кончине короля Альберта настигла нас в поезде около Генуи. Она показалась нам совершенно неприемлемой. Мы не могли вместить, чтобы уже ушел из мира такой герой, одно имя которого уже обязывало к утверждению подвига созидательства, которому покойный король так беззаветно был предан. Ведь ушел не просто добрый, высокообразованный человек. Ушел герой, а героев сейчас так немного.

Человечество должно беречь своих героев. Также должно оно беречь и память о них, ибо в ней уже будет здоровое, созидательное вдохновение. Жизнь уныла без героя. Тем ценнее, если такие герои не только имеются на страницах преданий, переходя в божественные мифы, но они оказываются посланными и в наше время. Они трудятся, создают и борются за благо в эти дни. Люди могли их видеть. Множество соратников могли ощущать прикосновение ободряющей руки и слышать зовущее слово. Не оставлены и наши времена. Имя короля Альберта останется в ряду этих несомненных героев, так нужных не только своей стране, но для чести и достоинства всего человечества.

Героизм — не самость. Героизм есть истинный альтруизм. В героизме живет и сияет самоотречение и самопожертвование. Слава сопутствует герою, но она является не умышленным надписанием, но естественным гербом его славного щита.

В марте 1914 года мною была закончена картина «Зарево». На фоне бельгийского замка

около изваяния бельгийского льва на страже стоял в полном вооружении рыцарь. Все небо уже было залито кровавым, огненным заревом. На башнях и окнах старого замка уже вспыхивали огненные иероглифы. Но благородный рыцарь бодрствовал в своем несменном дозоре. Через четыре месяца все уже знали о том, что этот благородный рыцарь, конечно, был сам король Альберт, охранивший достоинство бельгийского льва.

И еще раньше, когда мне приходилось бывать в древнем Брюгге, мы уже слышали столько задушевных рассказов о королевской семье. Старая кружевница, говоря о чудесных придворных кружевах, тут же сказывала и сердечное слово о самом короле, королеве, о их семье, такой простой, доступной, милой народному сердцу. Много знаков о Бельгии прошло передо мною. И не было в них ни разу какого-либо отемнения великого имени короля. Разве это не замечательно? Разве не знаменательно это для иностранца, который на путях своих мало ли что мог бы услышать? Но можно свидетельствовать лишь доброе. И это будет нерушимой радостью, связанной с именем короля Альберта и его семьи.

И сейчас в пустыне Монгольской тоже является радость иметь возможность записать эти слова. Ведь в каждом добром начертании уже есть нечто зовущее, объединяющее и открывающее сердце. Мы должны быть признательны герою, который подвигом своим помогает нам открыть сердце и дружелюбно посмотреть в глаза соседа.

9 июня 1935 г.
Цаган Куре

Н.К. Рерих. Нерушимое, Рига, 1936

СУДЬБА

«...Рембрандт с первых же шагов своей деятельности выходит за пределы локального значения, и все его дальнейшее творчество есть явление общечеловеческого смысла. Тяжелая трагедия его жизни и деятельности теряет чисто бытовой и исторический смысл, а становится, подобно трагедиям всех великих страдальцев, огромным символом. При этом символизм искусства и жизни Рембрандта носит роковой характер. Все, что случилось с ним, — должно было случиться по каким-то верховным законам. Весь ужас этой жизни приобретает именно благодаря своей чрезмерности грандиозную красоту. Это подлинная Голгофа, крест, непосильный для средних людей, испытание, которого удостоиваются лишь избранные.

Вглядываясь в эту логическую во всех своих перипетиях трагедию, постигаешь и ее внутреннюю гармонию. В ужасном финале этой жизни человека, когда видишь Рембрандта больным стариком, оставленного всеми, предающегося вину, живущего в нищете, то содрогаешься, но и понимаешь, что такой конец был самым величественным, самым достойным для гения. С точки зрения какой-то Высшей Справедливости — более достойным и прекрасным, нежели чума столетнего богача Тициана, нежели прощание Рубенса с красавицей женой и переутомление Веласкеса придворными обязанностями. Рембрандт «сподобился мученического венца» и, вопреки рассудку, видишь в этом высшую награду».

Во многом Александр Бенуа находил глубокие характеристики, но в этом суждении о судьбе Рембрандта, о мученическом венце, о красоте вопреки рассудку, он дал еще одно свидетельство глубочайшего суждения. «Вопреки рассудку» — это простое и убедительное выражение, наверное, многим казалось и неуместным и неопределенным. Тягостные дни телесного Рембрандта и Франса Гальса для многих никак не покажутся апофеозом достойным.

Придворное рыцарство Ван Дейка, наверное, кому-то кажется замечательным завершением великого художника. Но за этими внешне блестящими завершениями кажутся и другие, сияние которых настолько насыщено, что не каждый глаз различит его. Совершенно

так же электрическая искра в своем чрезвычайном напряжении делается уже недоступной человеческому глазу.

Как-то обсуждалась судьба Жанны д'Арк. Собеседники старались предположить, какой именно завершающий аккорд явился бы самым сияющим для светлой воительницы. Делались разные предположения. Доходило до того, что кто-то видел ее королевою Франции. Но после всяких примерных суждений пришли к тому, что сужденный превышным законом аккорд был самым незабываемо величественным. Конечно, никто не забудет и не оправдает предательство судей Жанны д'Арк. Так же точно никто не будет отстаивать тех квазизнакоков искусств, которые осудили ныне знаменитый «Ночной дозор» Рембрандта или его не принятую ратушей картину, ныне являющуюся драгоценным достоянием Королевского музея в Стокгольме.

Темные осудители, невежды и предатели таковыми и остаются. Они ведь вовсе не занимались ковкою мученических венцов. Они как были исчадиями ада, так и остались в той же зловонной тьме. Но совершенно вне их соображений, вне всяких земных допущений и пониманий самый превышний закон обращает уголь в сияющие алмазы. Наверное, каждый захотел бы прибавить к двум сказанным разнородным примерам еще множество самых замечательных свидетельств воздействия превышного закона. От самых высоких примеров и до повседневности можно видеть, как для каких-то мирообразований, для каких-то будущих укреплений куются незабываемые венцы.

Лишь бы только знать о путях несказуемых и гореть пониманием их. Тот же Рембрандт мог закончить старьевщиком или главою местной гильдии, или капитаном стрелкового общества. Мало ли какой благополучный, с обычной точки зрения, конец можно бы приложить к Рембрандту. Ведь был он собирателем, а от собирателя до старьевщика путь не так уж сложен. Был он богатым домовладельцем — по времени мог приумножить всякую недвижимую собственность. Мало ли кем он мог быть и «покойно» почить в пределах города. Но этого не должно было случиться по закону нереченному. Ценности, выраженные Рембрандтом, были оценены на каких-то совсем других весах — невидимых.

Жанна д'Арк могла остаться сельской провидицей, могла пророчествовать и исцелять. Могла окончить работу почитаемой аббатисой, а не то и уважаемой гражданкой. Ко всему были пути. Но великий Закон должен был в ней найти еще одно светлое свидетельство Истины. Пламень ее сердца, пламень костра — венец пламенный, все это далеко поверх обычных законов. Даже поверх обычного воображения человеческого.

Люди говорят о судьбе. Из каких же замечательных звеньев складывается так называемая судьба? От мирного стада до костра пожирающего. От верха благополучия до высшего испытания нищетой. Какими же человеческими формами высказать такие высочайшие построения? Высказать-то их и нельзя, но можно почувствовать, ибо в них заключены светлые вехи нового мира.

Конфуций, так часто и непонятый и гонимый, заповедовал: «Когда мы наблюдаем явления, мы можем достичь знания; когда мы достигли знания, мы приобрели доброе желание; когда мы приобрели доброе желание, сердце очищается, человек становится культурным; когда человек делается культурным, порядок царит в его семье; порядок царит и в его стране; когда же порядок будет царить в каждой стране, тогда и мир воцарится во всем мире».

Тоже как бы простой путь. От обычного проявления и до мира всего мира. В таком пути, при всей его неоспоримости, сказывается очень высокий и далеко не всем доступный мировой закон. Тоже о каких-то судьбах говорит этот закон, сказывает языком неземным. Каждый человек, каждый член семьи человеческой несет на себе ответственность за мир всего мира. Никто не имеет права сложить с себя высокую и прекрасную обязанность добротворчества. Никто не имеет права сожигать Жанну д'Арк. Кому дано право унижить Рембрандта? В сложных для земного глаза судьбах звучат законы и высокие, и требующие особых выражений.

Нищета Рембрандта — величественна. Костер Жанны д'Арк — прекрасен. Тернии Конфуция — поучительны. Терновый великий Венец ведет мир.

3 августа 1935 г.

Тимур Хада

Н.К. Рерих. Врата в Будущее. Рига, 1936

«И ЭТО ПРОЙДЕТ»

Вы поминаете мудрый совет царя Соломона: «И это пройдет». Вы пишете о том, что учитесь терпению. Находите многих учителей к тому. Все это так и есть. Если бы число учителей терпения даже умножилось во всех их разнообразных приемах, то скажите им искреннее спасибо. Без них, может быть, не удалось бы найти такие многочисленные возможности упражнения в терпении.

Ведь все нуждается в упражнении. Требуются какие-то кремни, от которых могли бы получаться искры. Часто говорится о невозможности перенести что-либо. Всякий, не испытанный в терпении, конечно, может запнуться даже за маленькие ступени. Искушения терпения всегда будут и учебниками терпимости, и вмещения. Ведь что же может быть плачевнее, нежели человек нетерпимый, не умеющий вместить. Ведь вместить — значит понять, а понять — значит простить.

Испытание искренности также весьма поучительно. Искренность будет тою же самою непосредственностью, которая всегда необходима, лишь бы она была подлинною. Всякое лицемерие будет противоположно прямоте. Прав тот, кто действительно прилежит основам добрым и устремляет все свое сознание, чтобы понять эти основы в их непреложной, первичной полноте.

Можно видеть, как в самые высокие положения, иногда в веках вкрадывалась условность и чья-то нетерпимость. Но там, где нетерпимость, там легко могли зародиться и злоба, и осуждение. Множество величайших примеров нам указывает, что самоотверженные подвижники не знали злобы, нетерпимости и всяких разлагающих невежеств. Следует идти тем путем, который так прекрасно рассказан в высоких обликах, ведущих человечество.

Вы пишете, что учитесь терпению, но имея перед собою многие примеры терпения, Вам легко преисполняться терпением несокрушимым. Сколько новых пониманий и расширений сознания принесет за собою водворенное терпение. Будет оно вовсе не страдальческим терпением, но светлою радостью вмещения и понимания.

Тепло и хорошо пишете Вы о близких Ваших. В письме Вашем не остается места для каких-либо осуждений. И это так хорошо, и так нужно. Именно нужно, чтобы для осуждений и места бы не оставалось. Столько бы добра привлекло к себе внимание, что от искры этого блага тьма просто рассеялась бы. По завету, конечно, оружие Света должно быть и в правой, и в левой руке, всегда готовое рассеять тьму. И мужество должно быть всегда налицо, чтобы не отступить там, где во славу добра можно совершить подвиг.

Слова «подвиг» почему-то иногда боятся и иногда избегают. Подвиг не для современной жизни, так говорят боязливые и колеблющиеся, но подвиг добра, во всем всеоружии, заповедан во всех веках. Не может быть такого века, такого года и даже такого часа, в течение которого подвиг мог бы быть неуместным. Добротворчество настолько необозримо, что во всех видах своих может быть выполнено ежечасно. В своем неукротимом течении это благое творчество заполнит все время, воспламенит все помыслы, избавит от утомления. Заметив темные пятна, вы всегда будете знать, что «и это пройдет». Чем сильнее будет водворено в сердце добротворчество, тем легче скажется мудрый завет о всякой тьме: «И это пройдет».

Конечно, вы знаете, что пройти-то оно пройдет, но вы приложите все усилия к тому, чтобы оно прошло скорее. Нельзя в доме хранить сор и хлам. От ветоши насекомые вредные разводятся. В чистоте нужно не позволить, чтобы где-то у порога образовались залежи грязи. Великое значение имеет порог, и вы знаете, как блюсти его. Всякие жители сидят у порога. Там же сидят и недопущенные торговцы сердец, которые тоже, в своеобразном терпении,

льстят себя надеждой, что может наступить час и для их входа. Но пусть этот час не наступит.

Для всего нужна бодрость. Проверьте все склады и доступы, которыми может наполнять Вас светлая, молодая бодрость. Вы пишете, что откуда-то не получили ответа на Ваше нужное, хорошее письмо. Вы думаете, что летнее время кого-то лишило дееспособности. Будем думать, что это так и есть. Но почему же летнее время должно лишать человека энергии, справедливости и обязательности? Кроме того, неужели отдых может выражаться в безмыслии и в желании кого-то заставить ждать. Утрудить кого-то уже будет недостойным делом. Вы знаете, о ком и о чем говорю.

Скажите всем друзьям наш сердечный привет. Помогайте там, где можете помочь. Вливайте бодрость там, где только возможно. И сами будьте добры и добротворны.

А трудностям всяким и препятствиям скажите с улыбкою: «И это пройдет».

1935 г.

Цаган Куре

Н.К. Рерих. Нерушимое

ОГНИ ИСПЫТАНИЯ

«И если труба будет издавать неопределенный звук, кто станет готовиться к сражению?»

(Коринф. 14:8)

Про одного святого говорили, что даже при упоминании о зле он чувствовал боль. Не следует считать такого святого белоручкой, но скорее нужно изумляться его отделению от зла. Действительно, каждый познающий Огонь особенно резко чувствует зло как прямой антипод его бытия. Нужно, говорю, нужно развивать в себе это противодействие злу, которое является противником прогресса. Нужно, говорю, нужно осознать эту границу, преграждающую движение к добру эволюции. Слышать можно о сложности таких границ, но явление Огня покажет, где эволюция и где дряхлость разложения. Огненный Мир есть истинный символ непрерывной эволюции.

Действительно, люди ясно различаются по пристрастию к правде или ко лжи. Такое различие настолько очевидно, что как бы характеризует какие-то основные типы человечества. Есть длинноголовые и круглоголовые; может быть, также есть лжеверы и правдоверы. Одни привлечены к магниту правды, чуют его, отстаивают его и одушевляются им. Другие так же точно устремлены ко лжи, питаются ею, дышат ею и наполняют ею пространство. Из этих пристрастий порождаются самые непоправимые для них же следствия.

Одни люди, когда не знают чего-либо, то прежде осуждения стараются узнать, но другие в случае незнания сейчас же злословят, не желая даже ознакомиться с предметом. В этом отношении также наблюдается деление добра и зла. Лишь бы злословить! — скажут последователи зла. Ведь в каждом злоречии есть уже семена разложения и предательства. Откуда это влечение ко лжи и клевете? Если причиной незнание, то почему оно прежде всего устремляет к подозрению, а не к желанию узнать подлинные причины?

Понятно естественное тяготение к истине, оно венчает природу человеческую; но как объяснить преступное устремление ко лжи? Как наркоманы тянутся к губительному, постыдному яду, так некоторые двуногие устремлены ко лжи. От одного приближения

неправды они усиливаются, ожесточаются, укрепляются. В родной им стихии лжи они черпают из словаря тьмы небывалые хулы и кощунства. Точно эпидемия?! Уж не существует ли особых «бацилл лжи»? Страсть ко всему ложному образует как бы особый вид психоза. Именно как страсть он заставляет особых людей не только признавать ложное, но и обосновываться лишь на неверных суждениях. От правды лжеверы впадают в судороги.

Плачевно наблюдать таких друзей лжи, устремленных ко всему измышленному, неправдивому. Эта двуногая разновидность будет жадно приобщаться ко всему явно измышленному. Они будут упиваться явной ложью, даже не озабочиваясь о примитивной правдоподобности.

Они усиленно сотрудничают в надстройках лжи. Они не ограничатся повторением, но будут немедленно творить и расцвечивать зло. Даже себя они не пощадят, лишь бы умножить вычурные злобные добавки.

Они бывают крепко организованы, очень изысканны и часто более находчивы, нежели сторонники правды. Они завладели первыми страницами газет; они умеют использовать и фильмы, и радио, и все наземные и подземные пути. Они проникли в школы и знают цену осведомления, они пользуются каждой неповоротливостью оппонента, чтобы сеять ложь для процветания зла.

Сердце человеческое, устремленное к правде, без труда распознает вестников лжи, когда зажжены Огни Блага. Но каждый Огонь должен быть возжжен.

Еще сказано:

«Огонь не под водою зажигается. Подвиг не в благополучии теплицы создается». Среди человеческих тягостей спросим себя — не подвиг ли уже? Среди утеснений спросим — не к вратам ли подвига тесните нас? Среди взрывов спросим — разве в нас самих не было достаточно силы, чтобы возвыситься? Так осмотрим каждое явление — не ведет ли оно к подвигу? Так будем следить за всем подвигающим. Кто же может предугадать, какой именно обратный удар двинет новые обстоятельства? Но без труда вещество не придет в движение. Называют очагом подвига эти удары по веществу. Только понявшие субстанцию творящую усвоят, что сказанное не есть простое ободрение, но только упоминание закона. Можно делать из закона несчастье, но правильно усмотреть пользу от основ бытия.

Есть много пробных камней. Огонь высекает из них различные искры. Есть много имен и понятий, которые сияют, как драгоценные камни. О них испытываются души. Ими открываются сердца. О них трепещет тьма, о них закаляется подвиг.

Разве не чудно наблюдать здесь же, среди сутолоки жизни, как действуют магниты имен? У одних расцветает сердце. Другие стараются заслонить чем-либо слишком для их глаз светоносное. Третьи негодуют и злословят, словно бы прикоснулись к чему-то ужасному. И действительно, эти третьего разбора чувят в такой час для себя опасное. Они где-то внутри сознают, что этот светлый Огонь будет для них опаляющим. Сами люди чинят себе суд и разбор.

Сказано — каждая крупинка добра или зла в умножении уяснится. Даже если отправное семя мало до нераспознавания, то в умножении смысл его станет явным до непреложности. Потому добро и зло вовсе не относительны. Неясность и смутительность может дать лишь переходящая фаза действия, но жатва всегда докажет качество зерна.

Очень полезно, что люди так явно прилежат правде или лжи, ибо в этом распознается стан добра и зла. Ничем люди не скроют, чему они радуются и чему ужасаются. Даже и в молчании глаза их выразят сущность чувствами. Потому избегайте не смотрящих в глаза. Даже в животных есть это различие взгляда уклончивого или прямого. Прямое зеркало не искажает.

Огни испытания! От них ли пылал костер Жанны д'Арк? От них ли пламя Аввакума? От них факелы Нерона? От них языки тьмы? Содом и Гоморра? Мартиника? Недопустимо испытывать Гнев Божий. Откуда невежество, что будто бы «все дозволено»? Будто от лжи не задымятся небеса? Будто не испепелится язык кощунника и предателя?

«Всякий, ненавидящий брата своего, есть человекоубийца».

20 сентября 1934 г.

Н.К. Рерих. Священный Дозор

II. СВЕТ ВЕДУЩИЙ

«...неприкосновенно и ярко донесло до нас время и великий образ Св .Сергия, и всех тех мощных духом подвижников, которые, презрев условности несовершенного земного быта, устремились к ценностям истинным».

Н.К. Рерих. «Богатая бедность»

СВЕТОЧИ

«Батюшка завтра придет». При таком сообщении весь дом наполнялся незабываемым торжественным настроением. Значит, что придет о.Иоанн Кронштадтский, будет служить, затем останется к трапезе, и опять произойдет многое необычное, неповторимо замечательное. В зале устанавливался престол. От раннего утра и домашние все и прислуга в особо радостном, повышенном настроении готовились встречать почитаемого пастыря. Какие это были истинно особые дни, когда Христово слово во всем вдохновенном речении Великого Прозорливца приносило мир дому. Это не были условные обязанности. Вместе с о. Иоанном входило великое ощущение молитвы, исповедание веры.

Мы жили тогда на Васильевском острове, как раз против Николаевского моста. Окна выходили на Неву, а с другого угла была видна набережная до самого Горного института. По этой набережной издали замечалась заветная,жданная карета, и торопливо-заботливо проносилось по дому: «Идет», «приехал». И опять входил благостно улыбающийся, как бы пронизывающий взором о. Иоанн и благословлял всех, сопровождая благословения каждому каким-то особым, нужным словом. Кому-то Он говорил: «Радуйся», кому-то: «Не печалуйся», кому-то — «В болезни не отчаивайся». Все эти быстрые слова имели глубочайшее значение, открывавшееся иногда даже через продолжительное время.

Затем говорилось — «помолимся». После чего следовало то поразительно возвышенное служение, которое на всю жизнь не забудет тот, кто хоть однажды слышал и приобщался ему. Поистине, потрясающе незабываема была молитва Господня в устах о. Иоанна. Невозможно было без трепета и слез слушать, как обращался этот Высокий Служитель к самому Господу с такою верою, с таким утверждением, в таком пламенном молении, что Священное Присутствие проникало все сердца.

Продолжением того же священного служения бывала и вся трапеза с о. Иоанном. Мы, гимназисты от самых первых классов, а затем и студенты, навсегда вдохновлялись этим особо знаменательным настроением, которое продолжает жить нестираемо десятки лет — на всю жизнь. Тут же за трапезой происходили самые замечательные указания и прозрения. Часто говорилось: «Пусть ко мне придет такой-то — нужно будет». А затем, через многие недели, слушавшие понимали, зачем это было нужно. Или — «Давно не видал такого-то», и через некоторое время все понимали, почему проявлялась такая забота. Помню, как однажды о. Иоанн подозвал меня, тогда гимназиста младших классов, и, налив блюдечко старого портвейна, дал выпить из своих рук. Когда же моя матушка заметила, что «он у нас вина не

петь», то о.Иоанн сказал: «Ничего, ничего, скоро нужно будет». А через две недели у меня открылся тиф, и при выздоровлении врач предписал мне для подкрепления сил именно этот старый портвейн. Также всегда помню благословение о. Иоанна на изучение истории и искусства и неоднократные заботы о болезнях моих, которым я был подвержен в школьные годы. Одно из последних моих свиданий с ним было уже в Академии Художеств, когда тесным толпою почитаемый пастырь после литургии проходил залами академического музея. Увидев меня в толпе, Он на расстоянии благословил и тут же, через головы людей, послал один из своих последних заветов.

Мой покойный тесть Ив. Ив. Шапошников также пользовался трогательным благорасположением о.Иоанна. Он звал его приезжать к нему и, чувствуя его духовные устремления, часто поминал его в своих беседах. Помню также, как однажды на Невском, увидев из кареты своей ехавшую тетку жены моей, княгиню Путятину, Он остановил карету, подозвал ее и тут же дал одно очень значительное указание.

В этой молниеносной прозорливости сказывалось постоянное, неугасаемое подвижничество о человечестве. Известно множество случаев самых необычайных исцелений, совершенных им лично и заочно. А сколько было обращенных к истинной вере Христовой после одной хотя бы краткой беседы с высокочтимым пастырем. Известно, как два гвардейских офицера, по настоятельной просьбе их родственников, в любопытстве и невежестве поехали в Кронштадт повидать о.Иоанна. При этом в пути они говорили между собою: «Ну что ж, поболтаем». Приехав в Кронштадт, они заявили о своем желании повидать Батюшку. На это келейник вынес им пустой стакан с серебряной ложечкой и сказал: «Батюшка поболтать велел». Конечно, молодые люди были глубоко потрясены, и все их легкомыслие навсегда их покинуло.

Наряду с прозорливостью о. Иоанн отличался и свойственной великим подвижникам широтой мысли. Помню, как при разговоре о том, почему дворниками в Зимнем дворце служат татары, о. Иоанн с доброй улыбкой сказал: «Татары-то иногда лучше бывают». Когда скончался о. Иоанн, то всей Руси показалось, что ушла великая сокровищница русская перед новыми для земли испытаниями. Вследствие отъезда не пришлось быть на погребении о.Иоанна. Так и остался Он как бы неушедшим, а Его светлопрозорливый взор живет навсегда во всех, кто хотя бы однажды видел Его. И в наши времена не обделена земля великими подвижниками, крепкими, светлыми воеводами земли русской.

Незабываемы также встречи и с другими Иерархами, среди которых всегда остаются живыми и встречи с митрополитом киевским Флавианом, и работа по украшению Почаевской лавры с блаженнейшим митрополитом Антонием, и посещения Им совместно с митрополитом Евлогием нашей иконописной мастерской при школе Императорского общества поощрения художеств.

Митрополит Флавиан особенно ценил строгий византийский характер фресковой живописи. В моих эскизах для церквей под Киевом Он отмечал именно это качество. Блаженнейший митрополит Антоний вообще глубоко ценил старинное иконописание, которое как нельзя более отвечало и всему богослужебному чину. Помню, как при обсуждении одной из мозаик для Почаевской лавры я предложил избрать сюжетом всех Святых стратилатов Православной церкви, и митрополит вполне одобрил это, подчеркивая и умственность такого образа. Помню, как владыка Антоний, смотря на мою картину «Ростов Великий», проникновенно сказал: «Молитва Земли Небу». Драгоценно и радостно было встречаться с владыкой на путях церковного искусства и видеть, как глубоко Он чувствовал священное благолепие русской иконы. А ведь в те времена не так часто еще понималось высокое благолепное искусство нашей старинной иконописи и стенописи. В то время покойный император еще с прискорбием замечал: «Если моя бабка могла иметь в Царском селе китайскую деревню, то могу же я иметь там новгородский храм». Глубокая скорбь о несправедливых суждениях сказывалась в этом замечании.

Помню, как мне приходилось представлять на благословение Иерархов и эскизы стенописи Святодуховской церкви в Талашкине под Смоленском, и иконостас Пермского

монастыря, и мозаики для Шлиссельбурга, и роспись в Пскове. А иконы нашей иконописной мастерской, писанные как учащимися школы, так и инвалидами Великой войны, широко расходились по Руси и за границей, внося в жизнь истовые изображения Святых Ликов. Видимо мне, что из учащихся иконописной мастерской некоторые, проникнутые религиозными основами, приняли монашеский чин и подвизаются и ныне в монастырях. Еще не так давно имели мы трогательное письмо от одной нашей бывшей ученицы, сердечно благодарившей за наставление в иконописании, которое ей как монахине особенно пригодились для украшения ее обители.

Одним из последних благословений на храмостроительство было трогательное благословение покойного митрополита Платона нашей часовни в Нью-Йорке. Сам владыка по причине смертельной болезни уже не мог прибыть на освящение, но он прислал преосвященного Вениамина и весь клир свой, присовокупив свои трогательные благословения и пожелания. Священную хоругвь владыка освятил сам. Моя бытность в Париже одухотворялась еще близостью славного служителя Христова о.Георгия Спасского, одного из последних духовников моих.

И не могу не записать одного из удивительных рассказов его. О.Георгий рассказывал, как однажды он исповедовался одному чтимому иеромонаху Новоафонского монастыря. Продолжу рассказ в Его словах: «Бывает, что во время торжественных событий вторгается в нас посторонняя мысль; так же и тут. Иеромонах уже возложил епитрахиль на меня, а в меня проникла мысль, как же заплатить за исповедь? С одной стороны, он — монах, а я — иерей. С другой же — почему не внести обычную лепту? И вот мучила меня эта мысль, а в это время иеромонах снял епитрахиль, возложил руку мне на голову и говорит: «А за исповедь я вообще денег не беру».

Такими необычными знаками была наполнена жизнь о.Георгия. Сама кончина Его была завидно необычайная. Во время лекции своей «Единение в Духе Святом» о.Георгий как-то особенно проникновенно произнес слова «объединение и Духи» и затем медленно склонился на кафедру. Все слушатели застыли в ожидании, предполагая напряженный экстаз любимого пастыря. Когда же подошли к Нему, то оказалось, что Он уже отошел. Так необычно светло, в мысли о Духе Святом, отошел светлый пастырь. Необыкновенно вдохновительно вспоминать о пастырях светлых, которые среди тьмы невзгод силою духа своего приносили твердость и мужество и неутомимо направляли к труду и строению.

Как поразительно начинается акафист Преподобному Сергию: «Избранный от Царя Сил Господа Иисуса, данный России Воевода...».

Воеводы духа, строители жизни, истинные оплоты просвещения всегда живы.

1934 г.
Пекин

«Наша Заря», 13 декабря 1934 г.

ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРГИЙ

Слово Н.К. Рериха, произнесенное им в Нью-Йорке
после лекции Г.Д. Гребенщикова о Св. Сергии

Передо мною встают два воспоминания, воскрешающие имя Преподобного Сергия. Одно уже давнишнее, а другое — всего три года тому назад.

Одно относится к покойному проф. Ключевскому. На Москве¹, в очень просвещенном доме, просили Ключевского прочесть лекцию о просвещении. К радости многих и изумлению некоторых Ключевский начал читать о Преподобном Сергии. Он создал облик истинного подвижника и предпослал своей лекции очень простую мысль: «Мы, историки,

должны быть очень честны. Мы должны уметь подходить к фактам без всякой предубежденности, так, как они есть». И вот, во имя непредубежденности, он обрисовал необыкновенного, неустанного труда облик Преподобного, так близкий всем, такой просветленный, близкий всему будущему. Ключевский закончил свою лекцию о Преподобном Сергии словами: «Он знал лучше других».

Другое воспоминание относится к нашей экспедиции, когда мы в 1926 году проходили алтайские села, на север и на юг от Белухи и китайский Алтай. Всюду разбросаны старообрядческие села, очень древние, в которых и по сей час сохранилась самая необыкновенная жизнь. Я представляю себе избу, в которой мы остановились. На стене написана красной краской большая чаша. Писала ее тетка Алена. Тут она одна занимается в селе живописным рукоделием. Она и целебными травами лечит в деревне. Она знает, что такое на стене.

— Чашу кто написал?

— Да ведь ты знаешь, я одна занимаюсь. Да, известно, чаша самая лучшая.

На той же стене виден пожелтый квадрат от висевшей иконы.

— А где же икона?

— А угодник под спудом.

— А когда он выйдет?

— Вовремя.

И приносит нам она несколько старинных икон. Стараюсь разобрать. На одной из них уже стертые временем изображение.

— А это кто?

— Как? Преподобного не узнал? Ведь это Сам.

— Да кто Сам?

— Да известно — кому русская земля поручена — Сергий.

— А когда же поручена русская земля?

— Изначала.

— Да на какое же время?

— А на все будущее.

— А когда же оно наступит?

— А это Ему лучше знать.

Опять то же самое, когда на Москве говорил Ключевский: «Он лучше знал». И темной белухской теткой Аленой говорилось — «А это Ему лучше знать»...

И вот в этом «знать» не заключается ли нечто необыкновенное, предугаданное, нечто необычайно убедительное. Преподобному приписывалось и сверху и снизу то же понятие «знать», знать тот свет, который сужден, к которому так или иначе человечество приходит и придет.

И не удивительно ли, что здесь, собираясь для Сибирской группы, как бы во имя Сибири, мы вспоминаем Того и приходим опять неминуемо к Тому, кто лучше знал и кто лучше знает. Он связан с, таким огромным понятием и пониманием. Конечно, Он и в Сибири это свое знание воплотил необыкновенно. Почему о Нем знают? Потому, что Он «знает».

Ему приписывают величайшую мудрость знания.

Не будем удивляться, что Сибирская группа как бы будет связана с именем Преподобного Сергия — во имя великих знаний и великих возможностей, которые заложены в великих пространствах Сибири, во имя того Света, который ей сужден.

Та же Алена рассказывала высокого значения предание, что Преподобный будто говорил: «А когда придет время, то и сани без коней побегут».

В этом мелькает знание, непреоборимое тяготение к истинному Свету, и во имя этого истинного Света позвольте вас приветствовать и видеть в вас истинных друзей того же знания и того же Света.

7 марта 1930 г.

Рериховский вестник.
Санкт-Петербург — Извара —
Барнаул — Горно-Алтайск,
1992, янв. — дек

СЛОВО НА ОСВЯЩЕНИЕ ЧАСОВНИ СВ. ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ

сооруженной Сибирским отделом Общества друзей Музея Рериха
в Радонеге, Чураевка, штат Коннектикут

Святой Сергей — Строитель Русской Духовной Культуры.

Каждое упоминание этого священного имени повелительно зовет нас к непрестанному светлому труду, к самоотверженному созиданию и делает из Святого Сергея поистине Преподобного для всех веков и народов. Повторяю, для всех веков и народов, ибо культура духа стоит над всеми границами. И нет такой религии, и нет такого учения, носитель которого не преклонился бы перед образом Преподобного, когда вы расскажете ему о трудах Его.

Ориген заповедал: «Глазами сердца смотри». Не есть ли это также и заповедь Самого Преподобного, который в пламенной Чаше вознес заповедь сострадания и любви?

Преподобный Исаак Сириянин сказал: «Когда мы в покое — демоны веселятся, а когда в трудах — Ангелы радуются». Этими со-ангельскими трудами положил Преподобный Сергей краеугольный, нестираемый камень русской духовной культуры, внеся его в сокровищницу мирового почитания.

Имел счастье произносить Имя Преподобного и буддистам, и мусульманам, и евреям, и индусам, огнепоклонникам и почитателям Великого Духа. Было ли при этом хоть одно отрицание или отстранение? Не было, ибо всепрощающая и вневозносящая духовная культура заложена в каждом человеческом сердце. И не мечом, но соотрапезою духовною открывается этот светоносный сосуд благодати.

Случайно ли, что на всех путях сужденных вырастают священные знамена Преподобного? Дивно и чудно видеть, как даже в наше смятенное, отягощенное мраком время всюду возносятся свечки храмов и часовен во Имя Преподобного. В Париже Сергиева Обитель, в Лондоне Сергиева группа учащихся. В Южной Америке имя Святого Сергия. Под Нью-Йорком мы имеем радость освятить часовню Св.Сергия. В Нью-Йорке, в доме Музея, комната-часовня Преподобного. По Азии раскинуты зачатки часовен и храмов во Имя этого непобедимого Водителя ко Благу. Огромное количество книг, статей и листовок посвящены Преподобному. Всюду благовестит это непобедимое Имя.

Больше того, когда вам приходится встречать людей близких в духе, рано или поздно, но безошибочно вы узнаете от них, что у кого в сердце, а у кого и в образе носится это священное Имя, так объединяющее, так зовущее от дня вчерашнего перейти к светлому завтра.

Обратите внимание. Преподобный в жизни своей не терялся в искании, но устремленно восходил и строил. Можно сказать, что далеко за пределами Богоискателя он был Богоносцем. Буддисты называют его Боддисатвою, евреи — Израилем, а индусы — Махатмою.

Преподобный приобщался от пламенной Чаши. Преподобному сослужил Пламенный. В этой благодатной пламенности, в этом благом огне творящем дошел до нас облик Святого Сергия. И пламенны были видения Ему Владычицы!

Познающий Пламень Сердца навсегда связан с Обликом Преподобного. Это великое познание, редко сходящая благодать навсегда соединили Имя Преподобного с представлением о всезнании. «Преподобный знает» — так запомнил народ. «Преподобный

знает, когда явиться» — «Преподобный знает, когда помочь» — «Преподобный знает, чье сердце доступно благодати» — «Преподобный знает, где нет неверия и предательства» — «Преподобный знает, где искренний дар».

Во всех встречах о имени Преподобного приходим к тому же понятию о непреложности знания Его, о мудрости подвига Его. В этом схождении на понятия знания, культуры, мы найдем спасение общее. Чем же иначе заменим мы разрушительное отрицание, неверие, легкомыслие, предательство вольное или невольное!

В осознании прекрасной благодати только и мыслимо схождение. Человечество устало от разрушений и смятений, выдувающих пламень сердца. Чудесно является перед нами великое Имя Водителя, с которым неразрывно связано и знание, и строительство, сострадание и неутомимая твердость. Да поможет нам Преподобный стать посильными пособниками Ему в Его неутомимых великих трудах, и зримых и незримых, и сказанных и несказанных! Несказанных, во всей своей невыразимости условным языком человеческим, но по счастью, кроме языка словесного, человечеству дан и язык сердца.

В этом языке пламенном, в огне сердца, сойдемся мы и, забыв темноту дня вчерашнего, устремимся совместно к Свету.

Свет один, так же, как и тьма одна, и при внесении света тьма рассеивается.

Да поможет нам Преподобный приобщиться к великому единому Свету.

Февраль, 1931 г.

Гималаи

Н.К. Рерих. Держава Света

СВЕТ НЕУГАСИМЫЙ

«Дано Преподобному Сергию трижды спасти землю русскую. Первое при князи Дмитрии; второе — при Минине; третье — теперь».

Так знает русский народ вместе с молитвами Христу Спасу, устремивший упование свое к великому предстателю и молитвеннику русскому, Преподобному Сергию Радонежскому. Акафист Преподобного начинается с многозначительного обращения: «Данный России Воевода». Во славословии Преподобному Он называется Воином Христовым. Таковы прозорливые определения, сложенные Высокими Иерархами Церкви Православной.

Высокий Воспитатель русского народного духа, Истинный Подвижник Православия, Воевода за правду и строительство Преподобный Сергей Радонежский является крепким прибежищем русского народа во все трудные години земли русской. Жизнеописания Преподобного Сергия говорят о многих знаменательных чудесах Преподобного, и чудеса эти просияли не только при жизни Подвижника, но и после отхода Его в течение всех веков и до сего дня.

Знак Преподобного является тем Воеводским стягом, к которому сходятся все, в ком бьется русское сердце, в ком не закоснела горячая любовь к Родине.

Радостно узнать, что предполагавшееся общество имени Преподобного Сергия уже состоялось. Значит, среди множества храмов-святильников Преподобного зажглась еще одна сердечная лампада и состоялся еще один священный очаг, к которому сойдутся дозоры, взыскующие правды. Перед этим святильником пусть забудут люди все распри и разъединения. Невместно и неприлично русским людям позволять силам темным разлагать и разъединять. Невместно перед Святым Ликом клеветать и лжесвидетельствовать. Невместно исполняться страхом и сомнением там, где горит правда Христова, вознесенная Священным Воеводою земли русской Преподобным Сергием.

Пусть Его Святое имя объединит всех взыскующих Родины. Да поможет Великий Предстатель перед Христом Господом. Да пошлет Великий строитель Свято-Троицких Лавр

сердечную крепость на преодоление сил тьмы, злых безбожников и разрушителей добра!

Радостно слышать, что в нашей часовне Преподобного Сергия уже совершаются Богослужения, объединяющие русские силы. Верю, что всякие колебания и стыдные сомнения отпадут перед Ликом Христовым, перед иконой Преподобного Сергия, просветит Преподобный Воевода земли русской сердца народа, чтобы бодро и радостно, несмотря на все трудности, сошлись бы те, в ком горит сердечная лампада Света Неугасимого.

Шлю мой искренний поклон всем сходящимся в часовне Преподобного Сергия и знаю, что это великое Богоданное Имя соединит сердца верных сынов отчизны.

«Преподобный Сергий, Светлый Воевода земли русской, моли Бога о нас. Аминь».

Так недавно было приветствовано новое общество при музее в Нью-Йорке, которое будет собираться в часовне имени Преподобного. Не успело это приветствие дойти до Нью-Йорка, как получились сведения о вновь образовавшемся Духовном Содружестве имени Святого Сергия Радонежского в Шанхае.

Приведем газетную заметку ко дню основания этого содружества. В ней приводится прекрасное напутствие, сказанное настоятелем молитвенного дома о. С.Бородиным.

«В четверг 15 ноября в Воскресенском молитвенном доме состоялся молебен Св.Сергию Радонежскому, устроенный инициативной группой по сооружению киота иконы Преподобному.

Настоятель молитвенного дома о. С.Бородин после окончания молебна обратился к инициаторам с пламенным словом, в котором сказал:

«Пусть растет в числе содружество ваше, преданных сынов Православной нашей веры и Родины. Ваша вера и убежденность, ваша твердость, ваша борьба за правду, в конце концов, победят злобу и ложь, заставят раскрыть глаза многих, и Господь по молитвам Святого Преподобного Сергия низведет нам свет и правду и силу страдальницы Родины. Как свет полудня, придет пред Лицом Божиим молитва наша, и могуществом мощи своей он сохранит и соберет нас. Пусть же для нас в этот час моления не закроется источник надежды и бодрости, пусть далеко отойдет дух расслабляющего уныния, пусть не поколеблется в нас уверенность и наша верность Богу, Церкви и страждущей Родине. Смелее и смелее будем мы возглашать наше исповедание. Глубже и глубже будем мы проникаться верою и правдою наших убеждений, освященных Церковью, преданиями родной старины и кровью пострадавших за нее отцов и братьев, бесчисленных героев долга!

Да будет честь и слава стоящим на страже долга борцам за святое [святых] нашей Родины!

Всегда помните и знайте, что там, где не слушают Христа и основанной им Церкви, там воцаряется дьявол; там, где искореняют пшеницу, вырастают плевела. Итак, с Богом на работу. Аминь!»

После молебна инициаторы содружества имени Св.Сергия просили о. С.Бородину исходатайствовать благословение епископа на организацию духовного кружка имени Св.Сергия Радонежского при Бродвейской Церкви, который во главу своей духовной деятельности ставит себе задачу разъяснений и пропаганду среди русских людей духа деятельности и значения для России Преподобного, не раз выводившего нашу Родину из неминуемой гибели.

Кроме того, содружество ставит себе задачей помощь Православным Церквям в Шанхае, сооружение икон Преподобного Сергия и принимать участие в постройке собора.

Также приведем из радиопередачи «Вождь Духа» следующие отрывки:

«Но нельзя зажечь пламени Знания без внутреннего чувства Бога; нельзя, не приобщившись к сокровенным истокам тайноведения, создавать новые духовные ценности. Поэтому, чтобы оказаться достойным принять участие в строительной работе возрождения нашей Родины — сначала нужно внутренне подготовить себя к ней — преобразить душу, убрать обитель сердца. Твердо идти за мерцающим светильником Истины, упорно работать над своим духовным развитием. Последнее мы считаем особенно важным, ибо оно и является в наших глазах высшей ступенью Знания...

Совершалось чудесное национальное обновление и великий духовный подъем. Если мы

пойдем к источнику этой благодати, то всегда найдем его в тенистых рощах Радонежа, в келье векового духовного вождя русского народа, Святого и Преподобного Сергия Радонежского.

Историк Ключевский, человек, озаренный зорким духовным зрением в судьбу нашего народа, писал: «Русская государственность не погибнет до тех пор, пока у Раки Преподобного будет гореть лампада».

Мы уже упомянули, как в самые страшные моменты русской истории чудесное заступничество Преподобного спасало наш народ. Вспомним историю борьбы Дмитрия Донского, на котором было благословение Преподобного Сергия и который был осиян его творческим и дерзновенным духом. Вспомним времена смутного времени, когда настойчивые и повторные видения Преподобного простым русским людям и посадскому мещанину Минину вывели их на великое служение своей стране. Все великие акты Русской истории совершались под Знаменем Преподобного. Не видеть этого — значит иметь закрытые глаза.

Так и теперь, в эпоху разгула темных сил, первым этапом служения под знаменем Преподобного будет ясное осознание в наших сердцах Его как Водителя и Заступника перед Престолом Всевышнего. Уже сейчас начинают создаваться в разных местах нашего рассеяния часовни и алтари во имя Преподобного Сергия, и это радостное явление нужно расширить, нужно везде и всюду, где позволят обстоятельства, водружать его Образ и возжигать лампаду Света.

На протяжении истории русский народ всегда уповал на Преподобного и полагал на него свою волю и говаривал: «Преподобный знает, Преподобный сделает». От нас же самих нужен лишь духовный молитвенный подвиг, напряженность жертвенного горения и дерзаний к победе, и чтобы наши молитвы были услышаны им, очистить свои умы от грязных и злых мыслей, дабы мы воистину могли представлять из себя в его руках искусное оружие, могущее разить врага и на расстоянии.

Уже есть указания на то, что Преподобный Сергий начал новое служение своему народу. Уже идет по Москве и всем весям нашей Родины народная молва о все чаще и чаще повторяющихся явлениях Преподобного Сергия разным русским лицам. Эта молва уже гудит по России; ее отзвуки появляются в виде сообщений в русских газетах за рубежом. Мы иногда их сами читаем, а прочитавши наряду с очередным отчетом о состоявшемся бале или футбольном состязании — забываем и в худшем случае — не верим. О, если бы мы могли все поверить этой радостной вести, мы знали бы, что час восхода Солнца земли нашей — близок».

Можно бы привести и многое другое прекрасное из этой речи, которое прозвучало далеко по миру и наверно достигло многих слушателей прилежных. Светло звучали близкие всем нам заключительные слова: «Отче Сергий, дивный, с Тобой идем, с Тобой и победим».

Сама по себе идея такой радиопередачи, поистине, и прекрасна и как нельзя более своевременна. Газеты, книги, речи достигнут одних, но в радиопередаче всегда заключается возможность, что где-то за пределами этих газет и речей кто-то совсем неожиданный услышит светлый сердечный зов. Где-то совсем новое сердце затрепещет от прикосновения слова истины.

Не скрываем от себя, что именно сейчас темные силы особенно ополчаются против Священного русского Имени Святого Сергия. И прямыми нападениями, и в очень хитросплетенных косвенных шептаниях темные силы пытаются воспрепятствовать несомненно нарастающему почитанию Имени Святого Сергия. В самых неожиданных концах мира Имя духовного Вождя русского вспыхивает мощно. Ведь не только соображениями, но ведением сердца знает народ, чему приходят сроки.

Никакой холод, никакие отрицания, никакая затхлость не могут преградить путь высокого Света.

Содружества имени Преподобного Сергия растут многообразно. Иногда они многочисленны по составу, иногда же они представляют из себя малые, но сплоченные

добром ячейки. Если люди хотят собраться во имя добра, почитая Имя Великого Светильника земли русской, то даже самое заскорузлое шерстяное сердце и то не может препятствовать этому несению блага. Иногда слышались упреки в том, что хотя многие и много говорят о вере, но не так часто исповедуют ее делами, внесением в жизнь.

И вот происходит еще одно такое действенное исповедание. Казалось бы, тому можно лишь радоваться. Можно лишь приветствовать устои, противоборствующие всякому разложению и разрушению. Только темные изуверы могут жить отрицанием, изгнанием и поруганием.

Помню, как слезно благословил изображение Преподобного Сергия покойный митрополит Платон и, окропляя, залил у него на столе лежавшие бумаги. «Подумают, что и это слезы», — сказал Владыко. Уже близкий к кончине, он особенно сердечно трепетал на все молитвенное и строительное. Он же заповедал: «Рассылайте, широко рассылайте изображения Преподобного Сергия». О том же изображении из Югославии благословлял и митрополит Антоний. О том же благославлял и митрополит Евлогий. Столпы веры знают Устремления. Они будут рады слышать о нарастании содружеств Преподобного Сергия.

Издалека приходят вести о многих явлениях Преподобного. Народ их не только знает, не только почитает их, но и понимает всю срочность происходящего.

Итак, пошлем всем содружествам мысли о преуспейнии и еще раз порадуемся, что само пространство, насыщаемое радиоволнами, звенит во благо Имени Преподобного Сергия.

30 декабря 1934 г.

Пекин

Н.К. Рерих. Листы дневника, том I

ПУТИ ЗОЛОТЫЕ

Родные, как хорошо, что вы читаете «Добротолубие». Поистине, это источник мудрости, запечатленный жизненным опытом. Когда Святой Антоний говорит: «От неведения все пороки» или «Ад есть невежество», — то ведь это произносится не как только осуждение, но как глубокое по смыслу своему определение. Все там сказанное не есть отвлеченность, но навсегда остается великим историческим поучением. Выписываю места, вас поразившие:

26. «В другой раз Святой Антоний открыл своим ученикам, как от умаления ревности расслабевает монашество и померкнет слава его. Некоторые ученики его, видя бесчисленное множество иноков в пустыне, украшенных такими добродетелями и с таким жаром ревнующих о преуспейнии в святом житии отшельническом, спросили Авву Антония:

«Отче! Долго ли пребудет этот жар ревности и эта любовь к уединению, нищете, смирению, воздержанию и всем прочим добродетелям, которым ныне так усердно прилежит все это множество монахов?»

Человек Божий с воздыханием и слезами ответил им: «Придет время, возлюбленные дети мои, когда монахи оставят пустыни и потекут вместо их в богатые города, где вместо этих пустынных пещер и тесных келий воздвигнут гордые здания, могущие спорить с палатами царей; вместо нищеты возрастет любовь к собиранию богатств; смирение заменится гордостью; многие будут гордиться знанием, но голым, чуждым добрых дел, соответствующих знанию; любовь охладет; вместо воздержания умножится чревоугодие, и очень многие из них будут заботиться о роскошных яствах не меньше самих мирян, от которых монахи ничем другим отличаться не будут, как одеянием и наглавником; и несмотря на то, что будут жить среди мира, будут называть себя уединенниками (монах — собственно «уединенник»), притом они будут величаться, говоря: «Я Павлов, я Аполлосов (I Кор. 1, 12), как бы вся сила их монашества состояла в достоинстве их предшественников; они будут величаться отцами своими, как иудеи — отцом своим Авраамом, но будут в то время и такие,

которые окажутся гораздо лучше и совершеннее нас; ибо блаженнее тот, кто мог преступить и не преступил, и зло сотворить и не сотворил (Сир. 3, 11), нежели тот, кто влеком был к добру массою стремящихся к тому ревнителей. Почему Ной, Авраам и Лот, которые вели ревностную жизнь среди злых людей, справедливо так много прославляются в Писании».

Или как замечательна «Последняя цель всего и совершенства»:

58. «Это Боговселенье, или жизнь в Боге, и есть последняя цель всех подвижнических трудов и верх совершенства. Сам Бог показал сие Святому Антонию, когда он сподобился такого откровения в пустыне; есть в городе некто подобный тебе, искусством — врач, который избытки свои отдает нуждающимся и ежедневно поет с Ангелами Трисвятое (т.е. при совершенстве любви к ближнему в Боге живет и пред Богом ходит)».

Разве не замечательно и следующее:

50. «Насколько самомнение пагубно, столь же, напротив, спасительно самоуничужение. Это представляет пример башмачника, о котором Святой Антоний имел указание свыше. Святой Антоний молился в келий своей и услышал глас, говоривший ему: «Антоний, ты еще не пришел в меру такого-то башмачника в Александрии». Святой Антоний пошел в Александрию, нашел этого башмачника и убедил его открыть, что есть особенного в его жизни.

Он сказал: «Я не знаю, чтобы когда-нибудь делал какое-нибудь добро; посему, вставши утром с постели, прежде, чем сяду за работу, говорю: «Все в этом городе, от мала до велика, войдут в царствие Божие за свои добрые дела; один я за грехи мои осужден буду на вечные муки. Это же самое со всею искренностью сердечною повторяю я и вечером, прежде чем лягу спать». Услышав это, Святой Антоний сознал, что точно не дошел еще в такую меру».

Разве эти золотые предания не переносят нас ко временам великого русского подвижника Преподобного Сергия? Разве не живут те же заветы в жизни последователей Преподобного Сергия, Святого Нила Сорского, Святого Кирилла Белозерского и всех подвижников и старцев северной Фиваиды? Разве не претворяются и в старчестве Оптином, которого так часто не понимали и даже гнали, но народная тропа к нему не зарастала.

«Золотые пути равновесия», заповеданные в огненных прозрениях Святого Антония, напитали все отшельничества. И теперь, если вы слышите о ком-то, погруженном в сокровища «Добротолубия», будьте уверены, что этот человек углубленный и не зря подошедший к великому источнику.

Особенно же уместно вспомнить золотые заветы истины в день Благовещенья.

7 апреля 1935 г.

Цаган Куре

Н.К. Рерих. Листы дневника, том I

ПЛАМЕНЬ ВЕЩЕЙ

«Путеводимые благодатью всегда ощущают, что как бы мысленный какой-то луч проходит по стихам написанного и отличает в уме внешние слова от того, что ведению души говорится с великою мыслью. Если человек многозначащие стихи читает, не углубляясь в них, то и сердце его остается бедным и утасает в нем святая сила, которая при настоящем разумении души доставляет сердцу сладостнейшее вкушение. Душа, имеющая в себе дух, когда услышит мысль, заключающую в себе скрытую духовную силу, пламенно принимает содержание этой мысли. Не всякого человека побуждает к удивлению то, что сказано духовно и что имеет в себе сокровенную великую силу. Слово о небе требует сердца, не занимающегося землею».

«Писание не истолковало нам вещей будущего века, но оно просто научило нас, как ощущение наслаждения ими мы можем получить еще здесь, до естественного нашего

изменения при исходе из этого мира. Хотя Писание, чтобы возбудить в нас вожделие будущих благ, изобразило их под именами вещей, у нас всегда желаемых и славных, приятных и драгоценных, но когда говорит, что «не видел того глаз, не слышало ухо» и другое, то этим возвещает, что будущие блага непостижимы и не имеют никакого сходства с благами здешними».

«Точность именованій устанавливается для предметов здешних, а для предметов будущего века нет подлинного и истинного названия; есть же о них одно простое ведение, которое выше всякого именованія и всякого составного начала, образа, цвета, очертанія и всех придуманных имен».

«Не тот любит добродетель, кто с борьбою делает добро, но тот, кто с радостью принимает последующие за ним бедствия».

«Крест есть воля, готовая на всякую скорбь».

«С разорением этого века немедленно начнется век будущий».

«Что такое ведение? — Ощущение бессмертной жизни».

«Что такое чистота? — Кратко сказать: сердце, милующее всякую тварную природу. Что такое сердце милующее? — Возгорение сердца у человека о всем творении, о человеках, о птицах, о животных».

«Человек боязливый показывает, что страдает двумя недугами: телолубием и маловерием».

«Устрашающие и ужасающие человека мысли обыкновенно порождаются его мыслями, устремленными к покою».

«Надежда покоя во все времена заставляла людей забывать великое».

«Кто не знает, что и птицы приближаются к сети, имея в виду покой».

«Прежде всех страстей — самолюбие; прежде всех добродетелей — пренебрежение покоем».

«Не старайся горстью своей удерживать ветер, т.е. веру без дел».

«За всякою отрадою следует страдание, и за всяким страданием ради Бога следует отрада».

«Бойся привычек больше, нежели врагов».

«Немощь чувств не в состоянии встретить и вынести пламень вещей».

Так в начале 8-го века заповедал Преподобный Исаак Сирин. Из монастыря Мар-Матфея, из Ниневии сохранились до нас эти замечательные огненные советы, которые звучат непобедимой убедительностью. Будут ли они сказаны вчера или в начале 8-го века — они остаются теми же неотменными.

О Преподобном Исааке Сирине осталось в литературе много упоминаний: как он ограничением в пище и всякими другими духовными устремлениями преобразил весь образ своей жизни. Пробыв пять лет епископом, он ушел обратно в пустыню. Там, в пустыне тишайшей, он укрепил свои наставления, чтобы оставить их в выразительной, краткой, забываемой форме.

Само выражение — «пламень вещей» — показывает необыкновенное погружение в тончайший мир. Конечно, потому-то заповеданное Преподобным Исааком так сердечно убедительно, ибо оно основано на познании огненной сущности. Многие труды Преподобного Исаака пропали, не дошли до нас, но они были, и это видно из неоднократных упоминаний в литературе. И не в том дело, что там-то усматриваются гносеологические пути св.Исаака. Кроме определения «пламенного пути», никакое другое определение не будет удачным.

Во всех заповеданных наставлениях прежде всего особенно звучит все, что огненно овеяно. Та мысль, то слово будет иметь особое последствие, которое свилось в пламени сущности. Записать и запомнить советы огненные — уже будет укреплением на всех путях. Крепость не от земли потрясаема, но от неба. Эту огненную твердь осознавали и ощущали в себе познавшие священный трепет сердца.

«Духовное созерцание. И отыскивается оно не работою мысли, но может быть вкушаемо

только по благодати. И пока не очистит себя человек, до тех пор не имеет он в себе достаточно сил даже слышать о нем; никто не может приобрести его изучением».

«Как тому, у кого голова в воде, невозможно вдыхать в себя воздуха, так и тому, кто погружает мысль свою в здешние заботы, невозможно вдыхать в себя ощущения нового мира».

Итак, от преходящих здешних забот св.Исаак устремляет к ощущениям нового мира. Поистине, св.Исаак знает духовные ценности, когда говорит: «Никого не раздражай и никого не ненавидь», «Не воспламеняйся на него гневом, да не увидит он в тебе признаков вражды». Советы истинного строителя, знающего, что воспламенение гневом есть бедствие.

Св.Исаак мог бы замечательно сказать о необходимом: «Возмущение воды при нисхождении ангелов». Но это «возмущение» не есть ни гнев, ни напасть, но лишь всплески священного огня, который одухотворяет все сущее в пламени вещей.

«Неопалимая купина». О прекрасном высоком чуде напоминает эта икона, полная огня. И «Премудрость» Божья мчится на коне огненном, и «Ангел — благое молчание» тоже непременно огненный. Первописатели этих символов понимали их не как отвлеченное мудрование, но как незыблемую истину, как действительность. В этой сердечной действительности пламень вещей и близок, и понятен, и прекрасен.

«Немощь чувств не в состоянии встретить и вынести пламень вещей».

12 марта 1935 г.

Н.К. Рерих. Листы дневника, том Пекин I

СЕМЬ СВЯТЫХ

Предисловие к книге «Фламбо»

Истинно чудесно, поистине прекрасно среди водоворота нашей жизни, среди волн неразрешенных социальных проблем видеть перед собою сияющие Светочи всех веков. Прекрасно изучать жизнеописания этих великих Искателей и Подвижников и находить в них укрепление нашего мужества, неисчерпаемой энергии и терпимости. Прекрасно через этот неисчерпаемый источник любви и всевмещения понимать великие движения утонченных душ, в которых соединяется высшее знание с высшим устремлением.

Так, изучая биографии, мы делаемся действительными сотрудниками эволюции, и от блистающих лучей Высшего Света нисходят истинные познания. Это утонченное знание основано на истинном понимании терпимости. Только из этого источника приходит всепонимание. От великого всепонимания рождается Высшее Прекрасное, этот просвещенный и углубленный энтузиазм жизни.

Современная жизнь спешно меняется. Знаки новой эволюции стучатся во все двери. Чудесные энергии, могущественные лучи, бесчисленные открытия стирают условные границы и изливаются в трудах великих ученых. Древность выдает нам свои тайны, и будущее протягивает свою мощную руку восхождения. В этой истинной науке, вне условностей, мы чувствуем прекрасную ответственность перед грядущими поколениями. Мы постепенно познаем весь вред постоянных отрицаний, мы начинаем ценить просвещенную позитивность и созидательность. В этих условиях мы познаем значение сострадания и терпимости. Так мы можем начать готовить для будущего поколения действительное счастье, обращая расплывчатые отвлеченности в благословенную реальность. Святая Тереза, Святая Екатерина, Святая Жанна д'Арк, Святой Николай, Святой Сергей, Святой Франциск Ассизский, Фома Кемпийский. Эта седмица Славных, седмица великих Вестников, великих Учителей, великих Миротворцев, великих Строителей, великих Судей, в них выражен, поистине, великий земной путь. Они трудились бесконечно. Они были здесь, здесь,

на Земле, они встречались с теми же самыми препятствиями, с тем же самым невежеством, суеверием и нетерпимостью. Своим светлым познанием они побеждали тьму; они-то знали вечный закон, что давая мы получаем. В этом осознании, в этом созидательном труде они стали истинными Светочами. Если мы принимаем название Фламбо — Светочи, это не абстракция, потому что ничто не абстрактно, это есть истинное выражение прекрасного мудрого подвига.

1930 г.

Н.К. Рерих. Держава Света

ШРИ РАМАКРИШНА

Жарко и душно было вчера. Вдали громыхали грозные тучи. От подъема на каменное Ширет Обо кое-кто приустал. Уже направляясь к стану, мы заметили вдалеке огромный вяз-карагач, возвышавшийся среди окружавшей пустыни. Размеры дерева, его какие-то знакомые нам очертания повлекли к нему. Ботанические соображения подсказывали, что в широкой тени одинокого великана могут быть нужные нам травы. Скоро все присутствовавшие собрались у двух мощных стволов карагача. Тень его — густая-прегустая, раскинулась более чем на пятьдесят футов. Мощные стволы выросли причудливыми наплывами. В богатой листве щебетали птицы, а мощные ветви протянулись во все стороны, как бы желая приютить всех проходящих.

На песке вокруг корней запечатлелись самые разнообразные следы. Рядом с широким волчьим отпечаталась тоненькая копытца дзерена — местной антилопы. Тут же прошел и конь, а рядом с ним осталась тяжелая поступь быка. Наследили разные птицы. Очевидно, все местное население приходило под радушную листву великана. Особенно напомнил нам вяз-карагач раскидистые баньяновые деревья Индии. Каким местом благословенного схода служили такие деревья! Сколько путников под ними получало отдохновения и телесные, и духовные! Сколько священных повествований запечатлевалось под ветвями баньяна! И вот, одинокий гигант-карагач в монгольской пустыне живо перенес нас под сень баньяна. Мощные ветви карагача напомнили нам и о других могучих восхождениях Индии.

Подумалось о светлом гиганте Индии, о Шри Рамакришне. Около этого славного имени столько самых почтительных определений. И Шри, и Бхагаван, и Парамахамса — словом, все, чем народный глас хотел бы оказать свое почтение и уважение. Бывают такие самые почетные от народа пожалования именем. В конце концов, поверх наипочетнейших наименований остается одно, проникшее по всему миру имя Рамакришна. Имя личное уже обратилось в целое всенародное, всемирное понятие. Кто же не слышал этого благословенного имени? К нему так идет слово о благе. Кроме самых черствых сердец, какое же человеческое сознание будет противоборствовать благу?

Вспоминаем, как выросло в разных странах познание светлой сущности Рамакришны. Вне злобных пререканий, вне взаимоущемлений, слова о благе, близкие каждому человеческому сердцу, широко распространялись, как могучие баньяновые ветви. На путях человеческих исканий вставляли эти зовы о добротворчестве. Мы знаем и не раз слышали, как «случайно» находились книги о Рамакришне. Елена Ивановна замечательно нашла эту первую книгу. Потом, через много лет, беседуя под радушным кровом миссии Рамакришны под Кальтуттой, вспоминалось, как неожиданно-жданно мы познакомились с этим великим проповедником добра.

Сотни тысяч, целый миллион народа сходятся в памятный день к Рамакришне. Сходятся в доброжелании, поистине, добровольно и обновляется добрыми воспоминаниями и благожеланиями. Ведь это замечательное выражение гласа народа. Это народный суд, народное почитание, которое нельзя понудить или заставить. Как лампы засветляются одна

от другой и неистощим огонь, так и такое народное почитание не меркнет и светит через все дни современных мировых смятений.

А ведь много смятений сейчас. Казалось бы, смущен и отвлечен дух народный от основ духовных. Справедливо часто слышится плач о потрясении основ. Но этот миллион сошедшегося народа разве не является живым доказательством того, что поверх смущений дня сегодняшнего живет неиссякаемая духовность и устремление ко благу. В жаркий и душный день, не убоясь расстояний, сходятся путники почтить память Рамакришны. Не формальная обязанность сводит воедино всех этих разнообразных путников. Чистосердечное благое устремление повелительно приводит их к местам, запечатленным именем Рамакришны. Ведь это для наших дней так необычайно ценно. Необычайно, что среди тяжелых трудов, среди сомнений, среди проникновений люди все-таки могут вспыхивать огнем светлым. Сердце их зовет сойтись вместе. Не толкаться, не буйствовать, не разрушать, но слиться единой мыслью о благе.

Великую силу имеет объединенная благая мысль. Как же должно ценить человечество те светлые явления, которые являются побудителями этих объединительных, мощных и созидательных мыслей! Мысль о благе будет прежде всего творяща. Благо не разрушает — оно созидает. Словами блага выясняются те вечные основы, которые заповеданы человечеству на всех лучших скрижалях. Если понятие Рамакришны неусыпно устремляет к творящему благу, то ведь это уже огромное счастье.

В дни потомков особенно драгоценен свет, драгоценны его сохранения. В своих притчах о благе Рамакришна никогда никого не умалил. И не только в учении, в притчах, но и в самих деяниях своих Рамакришна никогда не допустил умаления. Вспомним хотя бы его почитание страстей Христовых. Ведь такие понимания тронут самое окаменелое сердце. Широко чувствующий Бхагаван, конечно, обладал многими чувствованиями. Дар исцеления он, в свою очередь, отдавал широко. Он ничего не оставил под спудом. Он исчерпывал свои силы в благословенных отдачах. И болезнь его, конечно, через эти непомерные отдачи. Но и в них, этих благородных несчетных отдаваниях, Рамакришна явил нам меру свою.

В разных частях света почитается имя Рамакришны, почитается и Свами Вивекананда, который явил лик истинного ученика. Соотношение Рамакришны и Вивекананды также останется на самых замечательных страницах истории культуры Индии. Не только так свойственная Индии глубина мышления, но именно всенародно проявленное свидетельство Гуру и челы — ведь это должно так многим напомнить о чем-то очень основном. Проходят века, сменяется качество цивилизации и культуры, но Учитель и ученики останутся в том же благом соотношении, которое издавна было преподано в Индии. Много веков тому назад были записаны слова мудрости. Но сколько же тысячелетий до этого они жили в устной передаче. И как ни странно сказать — в передаче, может быть, более сохраненной, нежели даже иероглифы свитков. Умение сохранить точность тоже истекает из окрепшего сознания о совершенствовании в применении чудесных камней прошлого для нового светлого будущего.

Не только неувядаемая ценность учения о благе, сказанного Рамакришною, но именно нужность этого слова и для современности является несомненным. В то время, когда духовность, как таковая, начинает очень часто вытравляться неправильно понятыми формулами, тогда светлое созидательное утверждение особенно драгоценно. Стоит лишь справиться о цифрах изданий миссий Рамакришны. Стоит лишь вспомнить все то огромное количество городов, в которых люди собираются вокруг этого зова о благе. Цифры эти не нуждаются ни в каком преувеличении. Нет неестественной нервности или преднамеренности в происходящих тихих и мысленно углубленных собраниях. Ведь это тоже одно из ближайших свидетельств истинной строительности. Все глубоко осознаваемое не в шуме и в смятении творится, но нарастает планомерно, в высшей соизмеримости.

Мысли о благе, так щедро преподанные Рамакришною, должны пробуждать и благую сторону сердец человеческих. Ведь Рамакришна не отрицатель и не нарушитель. Он строитель во благе, и почитатели его должны открыть в тайниках своих истинное добротворчество. Деятельно это добротворчество. Естественно претворяется оно в

творчестве на всех добрых путях. Собираясь к памяtnому дню Рамакришны, люди не боятся пыли дорожной, не утрашают зноя, изнуряющего лишь тех, кто не проникся стремлению ко благу, к великому служению человечеству. Служение человечеству — велик этот завет Рамакришны.

7 августа 1935 г.
Тимур Хада

Н.К. Рерих. Врата в Будущее

АДАМАНТ

К Ассоциации Оригена при Обществе имени Рериха

Адамант! Замечательно это наименование, оно лучше всего выражает сущность Великого Имени, вокруг которого вы собрались. Часто наименования даются только после смерти, но иногда определенное качество так ярко выражено, что уже в жизни лицо осеняется определенным знаком. Адамант, твердейший алмаз, несломимый, режущий даже твердое. Ориген-Адамант!

Не выражено ли в этом одном слове все почитание великим Учителем Истины, которое не могло быть потрясено ни лишениями, ни обещаниями, ни обычаями. Ориген назван Учителем Церкви. Но, конечно, он мог быть признан и Святым, мог быть признан Отцом Церкви. И мог в течение жизни иметь высшее церковное назначение и отличие.

Вместо того чтобы стать Архиепископом, Ориген оказался узником. Может быть, в одной темнице с преступниками. Церковный Собор вменяет ему следующее: «Ориген, чудо своего века, по необычайности своего ума и глубине своего образования был обвинен на двух Александрийских Соборах при жизни и после смерти — на Константинопольском Соборе. Ориген неправильно мыслил о многих Истинах Христианской Церкви, распространяя языческие учения о предсуществовании души; он неправильно отражал Учение Христа, полагая, что определенное число духовных существ, равнодостоящих, были созданы, из которых одно устремлялось с такою пылающей любовью, что объединилось с Высшим Словом и стало носителем Его на Земле. Придерживаясь верования в воплощение Бога Слова и в творение Мира, Ориген неправильно понимал крестную смерть Христа. Представляя ее как имеющую духовное соответствие в духовном мире, он слишком много уделял воздействиям Сил Природы, которыми одарено наше естество...»

С точки зрения современности невозможно понять, как могли эти обвинения довести до темницы! Ведь во всем облике Оригена так ярко выражено стремление к Истине, которое не только не умаляет, но, наоборот, открывает безграничный кругозор для священного единения с Вышним.

Множество трудов Оригена, из которых не все дошли до нас и не все переведены и опубликованы, показывают поражающую образованность и светоносный, устремленный ум. Но враги Оригена, чтобы еще более утвердить его значение, прибегли к обычному своему средству — преследованию.

Позабыв еще недавнюю великую Голгофу, они решили, именно во имя великого Мученика Голгофы, сделать мученика и из Оригена. Они забыли, что терновый венец есть высший знак Славы. Обратимся к истории многих мученичеств. В своей разнообразии эта печальная история являет нам тождественные законы, последствия самоотверженности. Если возможно в чем-либо выразить высшее понятие истинной славы, то, конечно, оно будет соединено с самопожертвованием Адамантовым. Говоря о мученичествах, вспомним изображения их замечательными художниками. Обернемся на картины Иеронима Босха, Питера Брейгеля, Дюрера, Орканьи и других одинаково великих создателей. И посмотрим, какие они

избирали типы для палачей и преследователей. Не покажется ли вам, что в этих тупых, озверелых ликах вы узнаете какие-то образины, встреченные вами и в наше время? Поистине, живут еще темные и отрицательные типы, но именно они так же действительно обращают нас к тем символам, от которых излучается Свет великий. От преследователей вы неизбежно обернетесь к великому Преследуемому, к мощному понятию Адаманта. Пусть же это качество сделается и вашим отличием. Около этого качества вы найдете неустанный творческий путь. Вы найдете всевмещение, неумаление и неугомонное стремление к Свету.

Изучая творения Оригена, вы найдете в себе стремление к тем же основам — «де принципии». Светоносная высокая логичность автора передаст вам через все века то же упорство, откровенность, мужество, прозорливость. Короче говоря, вы воспламенитесь для ваших лучших работ и творений.

Без этих качеств вам будет трудно осознать, что подражать Вышнему вы можете прежде всего в творчестве.

Вспоминаем, как десять лет тому назад мы начинали Институт Соединенных Искусств в доме Греческого Собора. Почтенный отец Лазарис первый приветствовал наше просветительное начинание, в котором мы выражали нашу веру в то, что только красота и знание могут объединить и вести человечество к истинному счастью и благосостоянию. О. Лазарис так понимал, что Прекрасное и Мудрое являются столпами Религии. Если мы начнем искренно писать историю Прекрасного, тем самым мы должны писать и историю Религий. И обратно, начиная с Религии, мы неизбежно придем к Прекрасному.

Прекрасные мысли! Они, светлокрылые создатели будущего, донесли и ценный нам Облик Оригена. Он провидел творчество Всемогущего. Среди почитаемых древних икон имеется образ глубокого значения: «Святая София — Премудрость Божия». В часы вашего высшего вдохновения эта Мудрость шепнет вам: «Творите неутомимо, знайте, как давать. Только в даянии мы получаем!» На огненном коне, в сверкании пламенеющих крыльев представлена несущаяся в Пространстве Святая София, Мудрость Всевышнего.

Ориген заповедал: «Глазами сердца мы видим». Во имя этого вседостигающего языка сердца, во имя всепроникающего духовного Ока, я приветствую вас, которые собрались вокруг вечноживущего Имени Оригена.

Н.К. Рерих. Держава Света

БОГАТАЯ БЕДНОСТЬ

Paupertas, impulit audax
Ut versum facerem

Говорит Гораций: «Бедность устремляла меня к вдохновению».

Удивительно вспомнить, что Св.Франциск, покуда он был богатым гражданином, не привлек к себе ничего внимания. Но стоило ему обручиться с синьорой Бедностью, вступив на духовный путь, как он сделался тем мировым Святым, имя и облик которого зажигает и устремляет к подвигу множества сердец.

Перелистывая страницы многообразной истории человечества, мы все-таки приходим к тому же непоколебимому утверждению, что богатство не отмечено в истории как лучшее средство достижений. Шах Хумаюн при рождении своего великого сына Акбара был настолько беден, что мог уделить своим приближенным обычные при таком случае подарки лишь в виде нескольких крупинок мускуса.

Очень богаты были банкиры Вавилона, но история не сохранила их имени. Такие имена не пригодились в рассказе о человеческих достижениях, если не приобщались к просвещению. Летопись движений человечества для непредубежденного наблюдателя все-таки остается чем-то очень замечательным по своей внутренней справедливости.

Современники творят много неправд и несправедливостей, но само время производит по законам бытия знаменательные перестановки. Вопреки современникам эти законы выдвигают все поступательные движения и отодвигают в бездну все призрачное, случайное, временное. История не забывает, в конце концов, может быть, и через целые века, отдать справедливую дань сердечному человеческому устремлению к Общему Благу.

История человечества, в конце концов, остается человеческой, в полном смысле этого слова. Свокорыстие, себялюбие, злобность и жестокость все-таки остаются на каких-то стыдных местах, и никакое золото, никакие порфиры не могут прикрыть ни невежество, ни разрушение. В то же время каждое творчество, каждое истинное созидательное стремление оказываются все-таки незабытыми. При этом история с трогательной внимательностью, часто неизвестно откуда просочившейся, не забывает отметить все бескорыстное. Отмечается все, хотя бы своеобразно устремившееся во благо человечеству. Та же история доносит до нас множество самых неожиданных сведений, которые при сопоставлении составляют необыкновеннейшую мозаику, из которой каждый может черпать массу поучительного для жизни.

Вспомним о самом условном знаке жизни человеческой — о монетах. История Китая и в этом вопросе, как и во многих других, дает незабываемый пример. Во время движения нашей экспедиции по дальним областям Китая нам пришлось встретиться с необыкновенно странным положением денежных знаков. Мы были прежде всего предупреждены опытными людьми, чтобы не принимать серебряных слитков, хотя бы и снабженных государственными печатями, ибо очень часто внутри серебряной плитки искусно вкраплена медь. Также немало смущений доставили нам современные серебряные монеты, которые принимались и оценивались совершенно своеобразно в разных местностях. В одном городе любили голову Ли Хун-чана с шестью буквами, а в другом желали иметь семь букв. Одни хотели иметь монеты с женским изображением, а другие вообще не желали китайских знаков, требуя рупии.

Наконец, нам предложили как разменную монету какие-то деревянные палочки с нарезками, при этом утверждая, что эти знаки самые лучшие, ибо они выпущены местным игорным домом. Таким образом, поверх всех голов Ли Хун-чана, обыватели вдруг поверили палочкам игорного дома, находя в них неоспоримую ценность. При всем разнообразии китайских монетных знаков все-таки палочки игорного дома остались непобитыми в своей оригинальности.

Идя по истории Китая вглубь, мы действительно можем встретить всевозможные затейливые формы монетных знаков, но после современных палочек игорного дома, пожалуй, наиболее неожиданной и знаменательной формой будут монеты-ножи династии Чжу (715—431 гг. до нашей эры). Среди множества странных монетных форм, соответствовавших разнообразным видам торговли, форма ножа нигде нам не встречалась. Пожалуй, в наше время всяких упадков, подавленности, провалов бюджетных внутренних смысл монеты-ножа был бы очень знаменательным. Должник говорил бы кредитору: «Погодите, уже я вам отдам ножами». Или: «У меня для вас немало ножей припасено». Сколько недоразумений при всевозможных комиссиях Лиги Наций происходило бы из-за таких ножевых дискуссий. Но в китайских монетах-ножах сохранилась вековая китайская изысканность. Форма их очень красива, а кольцо на ручке показывает, что они могли привязываться или нанизываться на что-то и были носимы при себе. С нашей судебной точки зрения, сколько недоразумений могла бы создать такая монета в руках грабителя, который стал бы уверять, что это просто перочинный ножик.

Но знаменательно, что изысканная фантазия древних считала возможным соединять понятие денежного знака именно с ножом. Ведь никто не применял как денежный знак какое-либо священное изображение, как таковое. Правда, на монетах бывали изображения божеств, но они употреблялись как символы, как хранители известного города или страны. Кто знает, может быть, какому-то из наших современных банкиров облик ножа-монеты был бы особенно увлекателен и близок.

Так история человечества, как точно какие-то предостерегающие знаки, доносит до нас сочетания символов. Нож больше всего является символом жестким, колючим, жестоким, но ведь и денежный знак, во всей условности своей, тоже не будет божественным.

История не забыла рассказать нам, что даже Конфуций, великий своим миролюбием и справедливостью, был настолько преследуем современниками своими, что даже должен был держать наготове запряженную колесницу и большинство жизни провел в вынужденных переездах. Но история отбросила в бездну имена этих невежд преследователей. А Конфуций не только остался в памяти, не только прожил через тысячелетия, но имя его еще более укрепляется и в теперешнем современном сознании.

Говорить о преследованиях современников и о последующих справедливых оценках — значило бы, прежде всего, изложить историю сравнительных религий, историю всех учений света, историю всех творческих устремлений. Мы уже не раз напоминали, что должны были бы быть изданы наряду с книгой «Мученики науки» и книги «Мученики искусства», «Мученики творчества», «Мученики блага». Еще недавно мы видели, как Эдисон за свое одно из поразительнейших открытий был назван в собрании одной Академии шарлатаном.

Это же название, даже в издании изысканных энциклопедий, еще недавно было применимо к именам очень почтенным и замечательным. Поучительно было наблюдать, как в последовательном издании эти наименования смущенно стирались. Сама история уже начинала выдвигать оценку неоспоримую, и условное невежественное суждение современников стыдливо стиралось, уступая место более приличным наименованиям.

Во всех проявлениях жизни постоянно видим мы эту кристаллизацию ценностей, произведенную уже космическим сознанием. Одни знаки и символы почему-то стираются, а другие даже через все потрясения и бури проходят невредимо и остаются поучительно. Древние мудрые китайцы почему-то соединили символ монетного знака с символом ножа, и этот символ время донесло до нас неприкосновенно.

Так же неприкосновенно и ярко донесло до нас время и великий образ Св.Сергия и всех тех мощных духом подвижников, которые, презрев условности несовершенного земного быта, устремились к ценностям истинным. И великий поэт Гораций не только не устыдился, но с полным достоинством помянул о значении бедности для его вдохновений. И замечательный художник Ван Гог, посылая своему домовладельцу отрезанное свое ухо, как бы напоминал об ухе, имеющем услышать. Если бы только люди поняли, где истинные ценности, им действительно нужные, где живет та щедрая бедность, которая богаче всяких богатств!

Конечно, никто не скажет, что торговля не нужна. Наоборот, всякий обмен в культурных пределах должен быть приветствован. В нашей Всемирной Лиге Культуры потому-то включено участие промышленных предприятий, лишь бы они двигались по культурным путям. Но следует всюду заметить, что капиталу и торговле не может принадлежать то краеугольное место, которое часто утверждается за ними в наши смятенные дни. В истинном сотрудничестве с культурными ценностями всякий труд, всякая производительность лишь умножит Сад Прекрасный.

Вагнер в своем «Кольце нибелунгов» дает многие космические моменты. Останется незабытым и знаменательный разговор Вотана с Миме, когда Вотан предлагает Миме задать ему три вопроса. Вотан ответил на все заоблачные и подземные хитроумности Миме, но, блуждая далеко, Миме забыл спросить о самом ему нужном. Вотан говорит Миме: вот ты блуждал далеко, подымался к облакам и спускался под землю, но о том, что тебе так нужно, ты не спросил, и теперь будешь ты мой. Разве в блужданиях своих и в шатаниях человечество не забывает спросить и подумать о том, что для него действительно неотложно?

Книга «Мир Огненный» говорит:

«Итак, темные силы довели планету до такого состояния, когда никакое решение земное не может вернуть условное благосостояние. Никто не может считать, что земные меры вчерашнего дня пригодны для завтра. Так нужно человечеству снова понять смысл своего кратковременного пребывания в земном состоянии. Только основным определением своего

существования в плотном виде и пониманием Тонкого и Огненного Мира можно укрепить бытие свое. Не нужно думать, что призрак торговли может, хотя бы временно, дать прочное пребывание. Жизнь превратилась в торговлю, но кто же из Учителей Жизни был торгошом? Знаете великие символы об изгнании торговцев из Храма, но разве сама Земля не Храм? Разве Маха Меру не есть подножие Вершины Духа? Так можно указать жителям Земли на сужденные вершины».

«Не забудем, что каждое мгновение должно принадлежать Новому Миру. Мир Мысленный составляет живую связь между Тонким и Огненным, он входит как ближайший двигатель Мира Огненного. Мысль не существует без Огня, и Огонь превращается в творящую мысль. Явление мысли уже понятно, также осознаем и Великий Огонь — Оум!»

Та же книга напоминает:

«Народ утверждает, что перед войною или бедствием бывают лесные и всякие пожары. Безразлично, всегда ли они бывают, но знаменательно, что народное поверие судит об огненном напряжении перед мировыми потрясениями. Народная мудрость отводит Огню замечательное место. Бог посещает народ в Огне. Та же огненная стихия избиралась как высший Суд. Уничтожение зла производится Огнем. Явление несчастья сопровождается сожжением. Так во всем течении народной мысли можно видеть пути огненные. У народа зажигаются лампы, и народ несет светильники, увлеченные на служении. Торжественна Огненная стихия в народном понимании!».

«Искреннее самоусовершенствование не есть самость, но имеет мировое значение. Мысль об улучшении не будет касаться лишь самого себя. Такая мысль несет в себе пламень, нужный для многих зажиганий сердец. Как Огонь, внесенный в помещение, наполненное горючим веществом, воспламеняется непременно, так огненная мысль вонзается в пространство и неминуемо привлекает к себе ищущие сердца».

1932 г.

Гималаи

Н.К. Рерих. Твердыня пламенная

ЛЮБОВЬ НЕПОБЕДИМАЯ

К Ассоциации Св. Франциска
Общества имени Рериха

Перуджино, Джотто, Зурбаран, Коста, Мурильо, Скиавоне, Рибера, Флиппино, Липпи, Ганс Фриз, Маргаритоне, Сассетта, Тадео Гадди, Виварини, Моретто да Брешиа, Чимабуэ... Кто же мог собрать и духовно объединить этих разнообразных и даже противоположных Мастеров? Кто мог вдохновить такое множество великих поэтов? Кто мог наполнить такими высокими мыслями множество знаменитых деятелей? При чьей молитве сияла над монастырем заря священного Света? Кто воздымался на воздух в экстазе? Кто раскидывал сокровища Благодати как естественные искры своего земного существования.

Все тот же самый, бессмертный и светоносный в существе своего духа Святой Франциск, притягательный как для взрослых, так и понятный детям. Истинное прибежище зверям и птицам. Именно Он мог беседовать и обратить волка ко благу. На Его руке птицы чуяли крепкую безопасность.

В чем же заключается могущественный мировой магнит Святого Франциска? Конечно, в своем высшем духовнознании Он приближался к Вышнему. В необычной мощи сознания Он сливался с Господом. Он знал высокую мощь сердечной молитвы, которая единственно может привести к действительной любви. Для Него любовь была не отвлеченность, но насыщающее питание Его духа, И еще одно замечательное качество освящает нам Облик

Святого Франциска. Он никогда не осуждал.

Если некоторые Его действия были объяснены последователями как возмущение против несовершенных нравов Его современников, то и эти действия были так утончены и так были полны благодетельными знаками, что само возмущение возносилось на тех же самых крыльях всепобеждающей любви. Если не каждый из нас может достаточно следовать в силе восторга, то во всяком случае в двух качествах Святого Франциска каждый должен подражать Ему — в неустанном действии и в неосуждении.

В своем победном неосуждении Святой Франциск выявил величайшую жизненную мудрость, которая к тому же так легко достигается. Каждый труженик после достаточных испытаний неизбежно приходит к сознанию, как мертвенно отрицание и осуждение и как творящее и созидательное каждое понимание. Любить — значит прощать. Прощать — значит понимать. Понять — значит знать. Знать — значит приблизиться к порогу Мудрости.

Каждый творящий рано или поздно чувствует, что суждение и отрицание будут знаками неуспешности. Каждый истинный творец, подражая в существе своем Вышнему, в своих постоянно растущих трудах даже не имеет времени для осуждения. Взгляните на осуждающего и вы сразу убедитесь, что он прежде всего не создатель. Тот же опыт жизни легко убедит вас, что сад отрицания и темен и беден.

Как же вы встретите и победите трудности жизни? На печальном опыте вы познаете, что щит отрицания и осуждения не годен. Далее, вы будете убеждены, что подобный щит и вреден. Как магнит тьмы, он будет притягивать к вам все отрицательное. Какую печальную старость и темное будущее вы будете готовить себе, извергая злобную слюну осуждения, неудачно проходя путь жизни и преступно извращая священное понятие любви!

Итак, следуя заветам Святого Франциска, заветам, скованным любовью, — творите, творите и творите!

В этом вечном творении вы приблизитесь к мудрой радости. Вы найдете, что день слишком короток, чтобы успеть выразить все зовы духа вашего. В новом широком понимании вы осознаете, что есть синтез. Завоевание красоты и знания синтезируется для вас не как груда сухих подробностей, но как стройное знамя священного знака эволюции. В творчестве вашем вы осознаете и высокую ответственность перед Великою Беспредельностью. Это сознание ответственности еще более поможет вам удержаться от осуждений. Истинно, вы не найдете более мгновения для осуждения и отрицания.

Творить, помогать и давать — эти заветы наполнят все существо ваше. И, несмотря на все трудности, создаваемые тьмою, невежеством, вы все же преобразите жизнь вашу в вечную радость. Эта же радость творчества принесет вам и насущный хлеб на день завтрашний.

Велика была моя радость узнать, как восторженно приняли вы мое предложение объединиться под Именем Святого Франциска. Невозможно без светлой улыбки помышлять об основании этого Общества. Мы трудимся для высшей Культуры, Красоты, Знания, Мира. Пусть будет всепобеждающая улыбка Святого Франциска нашим мощным щитом в этих стремлениях.

Когда я буду писать Святого Франциска, пусть будет Он явлен благословляющим гнездо птиц. Это вызовет во мне одно старое воспоминание. Я был счастлив иметь моим первым Учителем замечательного человека: мощный художник Куинджи был не только замечательным художником, но также был и великим Учителем жизни. Его частная жизнь была необычна, уединенна, и только ближайшие его ученики знали глубины души его. Ровно в полдень он восходил на крышу дома своего, и как только загремит полуденная крепостная пушка, тысячи птиц собирались вокруг него. Он кормил их из своих рук, этих бесчисленных друзей своих, голубей, воробьев, ворон, галок, ласточек. Казалось, что птицы столицы слетались к нему и покрывали его плечи, руки и голову. Он говорил мне: «Подойди ближе, я скажу им, чтобы они не боялись тебя». Промеж себя мы называли Куинджи Святым Франциском. Незабываемо было зрелище этого седого улыбающегося человека, покрытого щебечущими пташками, — оно останется среди самых дорогих воспоминаний. Перед нами было одно из чудес природы, мы свидетельствовали, как малые пташки сидели рядом с

воронами, и те не вредили меньшим собратьям.

Одна из обычных радостей Куинджи была — помогать бедным так, чтобы они не знали, откуда пришло благодеяние. Неповторяема была вся жизнь его. Простой крымский пастушок, он сделался одним из самых прославленных наших художников, исключительно благодаря своему дарованию. И та самая улыбка, питавшая птиц, сделала его и владельцем трех больших домов. Излишне говорить, что, конечно, все свое богатство он завещал народу на художественные цели. Этот «Святой Франциск» моей молодости нераздельно связан с образом Святого Франциска, которым я впоследствии восхищался при моем паломничестве по святыням Италии.

Священная насыщенность Ассизи ощущается даже случайными прохожими. Тем сильнее она должна ощущаться тем, кто ищет. Вы, объединяющиеся во Имя Святого Франциска, да будет с вами улыбка Его! Пусть Его высокая духовная утонченность укрепит вас. Вдохновленные Святым Франциском, вы найдете творчество вечно новое и неисчерпаемое. Вы познаете, что даже и гений должен неутомимо ежедневно трудиться. Во имя Святого Франциска вы найдете сияющее утверждение, которое сохранит вас от мертвого отрицания и разрушительного осуждения. В Имени Святого Франциска вы найдете неистощимую мощь против всех зол тьмы. Вы поймете, что есть благословенное сотрудничество и единение. Творите, творите, творите!

Слава Святому Франциску!

Н.К. Рерих. Держава Света

СОЖЖЕНИЕ ТЬМЫ

Привет Молодым

Итак, не устанем мы повторять, что в основе существования лежит творящая мысль. Жизненно осознаем глубокое значение ритма, как внутреннее динамо нашей работы. Будем помнить завет Света, что прежде всего, самое важное для нас будет дух и творчество, затем идет здоровье и лишь на третьем месте — богатство. Если же вползающая Тьма начнет шептать нам сладким голосом: «Прежде всего богатство, затем тело и здоровье, а как последнее — творчество и дух», тогда скажем мы: «Знаем тебя, переодевшийся гомункул! Опять ты вполз! Ты воспользовался незапертой дверью, покуда привратник ушел на время обеда. Ты опять надеялся на человеческую слабость, на людское непостоянство и опять ты мечтал оживить семена предательства. Но как бы ты ни переодевался, мы распознаем тебя. Со своими материалистическими переоценками ценностей ты открыл себя и свое разлагающее влияние. Но будущая эволюция не построится на твоих основаниях, гомункул! Напрасно стараешься; твой маскарад тебе не поможет! Твердо мы знаем, что лишь ценности духа и творчества лежат в основе бытия. Только эти ценности будут спасением человечества».

Зорко проникая в законы, ведущие человечество, мы всюду замечаем спасительные искры. Обратите внимание, гомункулы, как прототипы предательского Миме, мечтавшего уничтожить героя Зигфрида, всегда так или иначе выдают свои тайные умыслы. Вы, конечно, помните, как сладко успокаивал Миме настороженность Зигфрида. Как сладко шептал Миме: «Я и поил, я и кормил тебя». Он даже говорил Зигфриду о геройском подвиге, конечно, с единственной целью, чтобы воспользоваться следствиями гигантского задания, когда Зигфрид погибнет от его предательства. Но по чудесному закону Миме начинает говорить не то, что хотел бы произнести, но то, что он думает. Истинно, устремляя внимание, вы всегда различите настоящие формулы гомункула, рано или поздно он произнесет их в вашем присутствии. Обостряйте ваше внимание, а для этого простейшими способами научайтесь углублять ваше сосредоточение. Также будьте всегда подвижны, чтобы в нужное мгновение

не оказаться затемненными какими-нибудь туманными, жалкими мыслями. Сказано, что преступник всегда бывает привлечен на место своего преступления и тем выдает себя. Также и гомункул выдаст себя, ибо все, что стремится к разложению, будет позорно выявлено. Гомункул боится будущего так же точно, как некоторые люди становятся атеистами только для того, чтобы отогнать мысли о будущем.

Идея «Духа Ведущего», идея «Высокого Водительства» проходит через все века, ибо в ней заключен противовес Тьме гомункула. Начав с обращения к выявленному гомункулу, мы вспомним некоторые заветы великого Света, которые твердо и вечно ведут мятущееся человечество.

Вот, что заповедано Восточною Мудростью.

«При сооружении утвержденных начинаний нужно помнить, что построенное всегда идет вверх. При построении (Именем Владыки) есть один лишь путь, который приводит к Творящему Источнику, путь мощной Иерархии; путь мощного Водительства Великого Служения. Потому прикосновение к творческому принципу устремляет дух к утвержденному закону Иерархии. Каждое строение требует осознания устремления вверх. Потому только закон послушания Иерархии может дать законное напряжение. Только так можно осознать путь, ведущий к мощной Беспредельности».

«Как же утвердиться в Учении? Как же приблизиться к высшему закону Иерархии? Только уточнением мышления и расширением сознания. Как можно вместить Указ Свыше, если нет утверждения соответствия? Ведь нужно суметь принять ширь Учения. Ведь только соответствие может позволить наполнение сосуда. Потому явление широты достойно широкого сознания. На пути к Нам можно достигать только Иерархией».

«В религиях введены телодвижения и положения тела, способствующие нагнетению энергии и устремляющие к Высшему. У Нас, конечно, можно преуспеть без утомительных движений наполнением сердца. Кто преуспел этим путем, тот имеет преимущество, ибо не престанет источник сердца. Лик Владыки, введенный в сердце, не потускнеет и в любой час готов на помощь. Этот путь сердца самый древний, но нуждается в значительном расширении сознания. Нельзя говорить о сердце с первой беседы, иначе можно без цели перегрузить его. Так же бесцельно говорить о любви, если сердце еще не вместило Образ Владыки. Но приходит час, когда нужно указать на мощь сердца. Советую обратиться к сердцу не только потому, что Образ Владыки уже близок, но по космическим причинам. Легче переходить через пропасть, если крепка связь с Владыкою».

«Так нелегко быть без Владыки. Не устами только повторяйте Имя Владыки, но вращайте его в сердце, и не выйдет Он оттуда, как камень, вточенный горною водою в расселину. У Нас называется «Cor Reale», когда Царь Сердца входит в чертог сужденный. Нужно оборониться Владыкою!»

«Вездесущий огонь насыщает каждое жизненное проявление. Вездесущий огонь напрягает каждое действие. Вездесущий огонь устремляет каждое стремление, каждое начинание, потому как же не проникнуться ведущим огнем? Космическая мощь, которая заложена в каждом импульсе человека и творческой силе, направлена к сознательному созиданию. Как нужно бережно собирать эти тождественные энергии для созидания лучшего будущего! Ведь только сознательное отношение к овладению силою соизмеримости может явить творчество, достойное лучшей ступени. Потому каждый на пути к Нам должен устремиться к созиданию, сознательно направляя свои распознавания».

«Как важно сохранять огонь импульса! Без этого двигателя нельзя насыщать начинание лучшими возможностями. Силы, прилагаемые к начинанию, умножаются огнем импульса. Потому так необходимо устремление к умножению данных сил Первоисточника. Во всех построениях нужно соблюдать стройность и соизмеримость, потому для насыщения наших начинаний нужно соизмерять данное с приложенными мерами. Огонь и импульс поддерживают жизнь в каждом начинании. Без этого начинание теряет свою жизненность. Так устремимся к утвержденному огню, данному Владыкою! Так можно достичь насыщения огненного».

«При посадке на корабль у путника украли кошель с золотом. Все возмутились, но пострадавший улыбнулся и твердил: «Кто знает?» Сделалась буря, и корабль погиб. Лишь один наш путник был выброшен на берег. Когда островитяне сочли его спасение чудом, он опять улыбнулся и сказал: «Просто я заплатил дорожке других за проезд». Не знаем, когда восходят зерна хорошие и долго ли зреет жатва ядовитых мыслей. Нужно им то же время, чтобы созреть. Потому бойтесь ядовитых мыслей, ни одна из них не пропадет без следа. Но где та страна, где тот час, когда назреет колос яда? Пусть он будет даже мал, но колюч, и не будет куска хлеба, который не раздирал бы горло».

«Можно ли не иметь жатвы посева своего? Пусть зерно будет доброе, иначе яд родит яд. Можно избежать многое, но хранилище мысли самое прочное. Мысль как высшая энергия неразстворима и может быть отлагаема. Явление опыта над растениями может показать силу мысли. Так же может ученый брать с полки нужную книгу, если мысль напряжена».

«Импульс огня дает всему Космосу жизнь. Каждая творческая искра приводит в движение устремление духа. Как же не утвердить в каждом явлении огненный импульс, который питает все напряжения и насыщает каждое действие. Потому нужно растить чудесный импульс огня, который всему придает жизнь. Так насыщенный огонь может притянуть все соответственные энергии. В культуре мысли нужно прежде всего растить огненный импульс. Как творческий импульс собирает созвучия, так мысль притягивает соответствия — так берегите импульс огня».

«Как прекрасны искры духа, который являет огонь и устремление. Служение огненное принесет человечеству столько знаков новой эволюции. Потому так жизненно вошла Агни Йога и столько знаков перерождают и угрожают планете, только нужно принять все посылаемое человечеству».

«Главная ошибка людей, что они почитают себя вне Сущего. Из этого истекает отсутствие сотрудничества. Невозможно объяснить стоящему вне, что он ответственен за происходящее внутри него. Явленный отец эгоизма посеял сомнение и самообольщение, чтоб отрезать провод с хранилищем Света. Никто не хочет представить себе, что Свет есть следствие мысли, но множество населяющих межпланетные пространства подтвердят охотно мощь мысленного сотрудничества. Они знают сотрудничество и понимают ответственность. Можно внедрить себя в мировую мысль и тем явить себе крылья в небе и в основании на земле. Много ценных напоминаний о связи с дальними мирами разбросано!»

«Искра духа зажигает сердце, потому Наше Учение нуждается в распространении огнем сердца. Как можно зажечь факелы духа без огня сердца? Ведь только огонь поднимает творчество и насыщает каждое действие. Энергия, которая устремляет к жизненному импульсу, должна иметь явленный жизненный огонь. Так в этом законе заключены творческие силы».

Когда мы вспоминаем великие Заветы Восточной Мудрости, прекрасный пример из нашей современности встает перед нами. Подвижники Озарения, благословенный Рамакришна и огненный Вивекананда! Какой незабываемый пример благословенной Иерархии Учительства! Какой пример для молодежи, как трогательно молился Рамакришна о приближении духа Вивекананды, и как мудро возвышенно нес Вивекананда в жизни основы своего Гуру. Истинно, мы видим блестящее следствие принятой в духе Иерархии. В памятный день Рамакришны миллионы паломников объединяются в духе во имя его вдохновенной самоотверженной молитвою. Так же мощно растет имя Вивекананды, и нет такой грамотной страны, где бы эти великие имена не почитались вместе с Абхеданандой, Параманандой, Браманандой, Сараданандой и другими славными учениками Рамакришны.

Высоки были основы их Учений и мудро было применение в Жизни. Каждым прикосновением они выжигали часть Тьмы. И ничего не было разрушительного в их Учении. Светоносно звучит призыв Рамакришны и Вивекананды — «Не разрушай!» — Ибо благословенная Иерархия знает лишь положительное строительство.

Вдохновляюще знать, что мы имеем не только славные подвиги древних времен, но и в дни наших смятений перед нами также встают блестящие примеры.

Изучайте без предрассудков историю человечества, и вы увидите, что во всех своих одеяниях гомункул одинаково ненавидит Свет и прежде всего Иерархию Блага и Знания. Прикасаясь к этой Светоносной Иерархии, гомункул в смятении начинает вслух бормотать свои скрытые формулы. Но все, что произнесено, уже не опасно. Тонкая паутина Тьмы будет немедленно разрушена огнем пространства.

В служении великой Культуре мы не должны ограничивать себя одною стандартной программой. Каждый стандарт ведет к тирании. Основное пламя Культуры будет едино, но искры его в жизни будут индивидуально и драгоценно многообразны. Как заботливый садовник, истинный носитель Культуры не будет вырывать те цветы, которые расцвели не со стороны главной дороги, если они принадлежат к тем ценным породам, которые он охраняет.

Выявления Культуры так же многообразны, как бесчисленны разнообразия самой жизни. Они облагораживают Бытие. Они, как истинные ветви единого священного древа, корни которого держат мир.

Если вас спросят, в какой стране вы хотели бы жить и о каком будущем государственном устройстве вы мечтаете? С достоинством вы можете ответить: «Мы хотели бы жить в стране великой Культуры». Страна великой Культуры будет вашим благородным девизом: вы будете знать, что в этой стране будет мир, который бывает там, где почитаемы истинная Красота и Знание. Пусть все военные министры не обижаются, но им придется уступить их первые места министрам Народного Просвещения. Несмотря на всех гомункулов, которые шпионят из своих щелей, вы будете выполнять ваши обязанности во имя великой Культуры. Вы будете укреплены сознанием, что только жалкие гомункулы будут врагами вашими. Ничего не может быть благороднее, нежели иметь врагом гомункула. Ничто не может быть чище и возвышеннее, нежели стремиться к будущей стране Великой Культуры.

Март, 1930 г.

Н.К. Рерих. Держава Света